

НИКОЛАЙ БОГДАНОВ

КРЯЖОНОК

ДЕТГИЗ 1957

Цена 2 р. 60 к.

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Николай Богданов

КРЯЖОК

Рассказы

Рисунки И. Браславского

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1957

РАССКАЗ О РАССКАЗЧИКЕ

Прежде всего — я бывший мальчишка. И никогда не забываю об этом. Может быть, я потому и пишу, что по-мальчишески подмечаю вокруг смешное, забавное, увлекательное, не перестаю удивляться жизни — сколько в ней ещё неоткрытого, о чём хочется рассказать.

По-мальчишески мне всё хочется лезть не в своё дело, не только расспрашивать, любопытничать, а всё самому попробовать. И сколько бы я ни был за это наказан — ничего, всё окупается с лихвой, когда есть о чём вспомнить.

Попав на войну против белофиннов военным корреспондентом, я увязался в поход лыжного отряда в тыл противника. И повидал лиха... Обо мне уже сообщили домой, что «убит», затем уточнили: «пропал без вести». Но я всё же выбрался, обросший рыжей бородой, в грязном белом халате, с трофейным автоматом. И не одни — в памяти принёс «Хорошую поговорку», «Лайку не пустолайку», «Чёрного кота» и другие рассказы про войну.

Они понравились ребятам, и, отправляясь на Великую Отечественную войну, я пообещал моим юным читателям написать о подвигах наших людей в боях против фашистов.

Об этом я и писал всю войну. Печатал в газетах, журналах, отдельными изданиями о боевых лётчиках — братьях Глинка, о разведчиках, пехотинцах, танкистах, о мужестве бесстрашного Тимура Фрунзе, о стойкости Юрия Смирнова. А потом появилась моя книжка «О смелых и умелых». Побывал на многих фронтах — от Волги до Шпрее, а закончил походы на Токийском заливе, написав корреспонденцию, как наши представители подписывали акт о капитуляции императорской Японии на борту линкора «Миссури».

Бывало и страшно и трудно, но всегда так интересно, что хотелось взять с собой вместе ребят, чтобы и они посмотрели... но без риска для жизни.

Такое чудо возможно, надо только поточней, поподробней написать об этом. Так многие ребята совершили вместе со мной путешествие от Москвы до Токио, читая книжку «В побеждённой Японии».

Рассказы, которые вы здесь прочтёте, не выдуманные — это всё про моих знакомых, теперешних ребяташек.

Почему мне больше нравятся «Кряжонки», «Проводнички» да «Ерошки»?

Признаться, такие ребята близки мне по воспоминаниям детства.

Помнится, мы с братьями Володей и Алёшей очень любили играть, купаться, рыбачить, но всё-таки самым интересным были для нас дела взрослых, участие в их труде.

Про многих добрых и злых волшебников читали мы в сказках, но знали, что самый удивительный волшебник — труд.

Он невидим, живёт где-то в наших руках, словно в кончиках пальцев.

Вот потрудимся мы, ребяташки, вместе с матерью на огороде — покопаем, пополиваем обыкновенную чёрную землю, а, глядишь, к осени — диво какое: сладкая морковь, сочная репа, сахарный горох!

Захотелось нам ягод и яблок — развели сад. Захотелось мёду — завели пчёл.

У нас вся семья такая была. Отец работал врачом в больнице, а когда после революции крестьяне разделили помещичьи имения, тоже взял надел земли. И не только больных лечил, сам пахал, сеял, чтобы прокормиться своими руками. И мы ему ревностно помогали.

Наша бабушка до восьмидесяти лет сама жала, молотила и хлебы пекла. Она даже коту говорила: «Хочешь мяса — лови мышей».

А дедушка, обучая плести корзинки для ловли карасей, говорил: «Без труда не выловишь и рыбки из пруда».

И лучшей похвалой для нас было, когда люди говорили про нас с братьями: «Ловки эти ребята в работе».

Мы уже студентами были, а всё возвращались на лето домой на каникулы, чтобы всласть покосить, помолотить. Уезжали нагруженные мёдом с нашего пчельника, пышками и пирогами из муки своего помола и домашними окороками и колбасами, оставив родителям и хлеба в амбаре на всю зиму, и картошки полный погреб, и сеном набитые сушила.

И здоровели на нашем «курорте» так, что и сейчас ещё этой закалкой крепки. Её и на войне нам хватило и на все трудности жизни. Конечно, нельзя детям работать, как взрослым. Но зачем же оберегать их от труда, как от чумы... Не согласен!

Не по сердцу мне белоручки, вот и написал я эту книжку про смыслённых ребят, не боящихся труда.

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ

Однажды ночью по пионерской цепочке передалось:

«Тревога! Все на сбор! С севера идёт холодный циклон. Радио из Москвы предупреждает: в Узбекистане возможны заморозки на почве!»

Спросонья ребята явились в школу в чём попало — иные только в тюбетейках и в трусах, иные в тёплых халатах, но босиком. Неразлучные сёстры-подружки Замира, Зия и Ульмас прибежали, взявшись за руки. Они успели натянуть форменные школьные платья, а из-под них сверкали шёлковые шаровары.

Во всех домах тревожно зажигались огни. Куда-то мчались машины, давая резкие гудки. Куда-то спешили люди. В правлении колхоза громко звонили телефоны.

Заморозки на почве! Это грозит гибелью ранним посевам хлопка — главного богатства здешних колхозов.

А на школьном участке может погибнуть опытное поле розового и жёлтого хлопчатника.

Розового и жёлтого! Если бы он был обыкновенным, белым, его бы, наверно, и не посеяли здесь, при школе. Да и не было бы столько «болельщиков» хлопководства, сколько их появилось в школе, когда Замира, Зия и Ульмас достали в Научно-исследовательском институте драгоценные семена нового, ещё невиданного в мире цветного хлопка.

Подумать только: по всем колхозам вокруг хлопок будет обыкновенным, белым, а у них на одном поле раскроются коробочки с розовым волокном, на другом — с жёлтым!

Ну как будто из коробочек выглянут персики и лимоны!

Да тут весь народ придёт любоваться! И всем захочется завести такой же хлопок. У юннатов сердца наполнялись гордостью: ведь их работу консультировал профессор, тот самый, который создавал новые сорта!

Они всё сделали по передовой науке хлопководства.

Долго добивались, чтобы на их маленький участок хотя бы по дороге заехал трактор из МТС.

— Вы понимаете, — доказывала бойкая Замира директору, — перед нашей школой пропадает плодородный участок земли. Надоело смотреть, как растёт бурьян и ящерицы греются на солнце... Хотим развести хлопок — жёлтый и розовый!

— Жёлтый и розовый? — заинтересовался директор.

— Да, о другом бы мы и говорить не стали!

Трактор был обещан.

Вспахать опытное поле приехал знатный тракторист, комсомолец Насреддин Сагибов.

— А ну, где тут бесчинствует бурьян и ящерицы греются на солнце? — сказал он, показывая белые зубы. — Сейчас наведём порядок!

И как пустил машину! Лемеха плугов засверкали,

словно сабли! Бурьян стал валиться, как вражье войско. Ящерицы разбегались по своим норам.

Школьники собирали бурьян в кучи и укладывали на солнце, чтобы высушить и сжечь. А школьницы собирали «дастархан» — почётное угощение трактористу.

В густой тени карагача расстелили ковёр, поверх ковра — большой пёстрый платок, а на этом платке поставили пиалы для чая, насыпали горками жёлтый урюк, прозрачный изюм, тёмный инжир, светлые фишашки. Сложили башенками круглые пышки из пшеничной муки, пирамидками — печенье из мака, из тыквенных семечек.

Когда опытное поле под лемехами плуга превратилось в ровный бархатный ковёр цвета верблюжьей шерсти, трактористу подали родниковой воды и душистое мыло. Умывшись и утеревшись вышитым полотенцем, Насреддин несколько смутился, увидев обильное угощение.

— Друзья, — сказал он, — зачем же вы лишили себя школьных завтраков?

Он догадался, что ребята собрали на дастархан всё самое вкусное, захваченное из дому на завтраки, и согласился сесть на почётное место только тогда, когда вокруг уселись сами хозяева и с удовольствием принялись за чаепитие.

Вот так же угощали потом районного агронома, который приехал по настойчивой просьбе учительницы — помочь будущим хлопководам.

Он проверил глубину вспашки, измерил и указал, какие нужны борозды, на какую глубину и на каком расстоянии друг от друга нужно сажать растения.

А потом приезжал даже научный сотрудник из Института хлопководства — учёная женщина, профессор. Она учила, как правильно поливать растения. Рассказала о новых цветных сортах хлопка — интересно, с диапозитивами.

После этого школьники поднесли ей цветы и тоже устроили почётный дастархан.

А для полива пригласили одного колхозного старика, Азиза Манапова, умеющего пускать на поля воду. Ноги его не гнулись в коленях от ревматизма, полученного оттого, что много ходил босым по холодной, текущей со снеговых гор воде, которую проводил из арыков на поля. Спина была горбата, оттого что с детства работал мотыгой, согнувшись. Он занимался поливкой хлопка всю жизнь, но юннаты долго его учили, как нужно поливать хлопок по науке. Ведь старый человек — отсталый человек, думали они. Он даже неграмотный, этот старик, — газеты читают ему внучки...

Азиз вежливо выслушал все наставления, завернул полы старого халата, взял кетмень и, побряхтев, полез босыми ногами в холодную воду.

Он пустил на опытное поле много ручьёв и ловко управлял ими, пропуская по бороздам так, что вода напитывала землю и не задевала растения.

Ребята хотели ему помочь, но так холодна была вода, что у них быстро заломило ноги, и они предоставили это дело опытному старику.

— Вот, дедушка, какой вы хлопок поливаете — цветной! — сказала ему Замира, гордая тем, что именно она в научном институте так умело говорила с учёным, который вывел цветные сорта, что получила для опыта семена.

— Вы прожили жизнь и такого не видали. Во все старые времена хлопок был только белый, а у нас будет жёлтый, розовый. Потом коричневый и голубой. Как в сказке! — сказала Зия.

— И когда его будет много, убирать его будут машины, — добавила Ульмас.

Старик причмокивал губами в знак удивления и сожаления, что он прожил жизнь без такого хлопка и что за него не работали машины.

— Вы приходите, когда раскроются коробочки, мы вам покажем. Мы вам дадим полюбоваться!

Кто-то предложил угостить старого поливальщика

дастарханом, но бойкие девочки отмахнулись рукавами:

— Вот ещё, обойдётся!.. У него для нашего угощения зубов нет... Мы его дома рисовой кашей накормим!

И это были его внуки! Они стеснялись старой одежды, неучёности и дряхлого вида своего дедушки. Им не терпелось, чтобы он скорее ушёл.

А старый, окончив поливку, сел в тень карагача, выставил босые ноги на солнце и грел их, не торопясь уходить.

Видя, что девочки смотрят на него выжидательно, он подумал, что они хотят от него чего-то ещё, и, счастливо улыбнувшись, сказал:

— Ну, сядьте, сядьте вокруг, красавицы мои. Я на вас полюбуюсь и расскажу вам сказку, мои милые внуки и внучки.

Он был такой старый, что всех считал своими внуками.

— Длинную? — капризно надув губы, спросила его Зия.

— Могу самую коротенькую. Вот про ваши пальцы. Почему у всех узбечек пальцы такие красивые, длинные? Вы не знаете!

Девочки смущённо посмотрели на свои пальцы.

— А потому, мои красавицы, что узбечки тысячи лет, собирая хлопок, доставали своими пальцами белую вату из жёстких коробочек. Хлопок нежный, пушистый, а коробочки колючие, с острыми краями. Вот пальцы и вытянулись, стали длинными, чтоб ловко брать пух и не колоться о коробочки...

Это было интересно узнать. И старик, который очень скучал, что у него нет слушателей, обрадовался, что девочки не разошлись.

— А знаете ли вы сказку, откуда появился хлопок? Тоже не знаете?

...Было это в давние времена, когда у нас в Узбекистане жили богатые бая и манапы, беки и султаны, угнетавшие народ.

Погиб однажды на охоте славный джигит. Оставил сиротами жену и детей. Увидели богатые соседи, что женщина беззащитна. Один пришёл и сказал:

«Зачем тебе в хозяйстве быстрый конь, слабая женщина? Не будешь же ты скакать на нём, как твой муж, по лесам и горам. Аллах этого женщине не велит».

И забрал коня.

Пришёл другой:

«Зачем тебе большие стада, слабая женщина? Кто будет оберегать их от волков и разбойников, разъезжая на лихом скакуне? Всё равно пропадут зря!»

И отобрал коров и овец.

Так ограбили бедную вдову. А когда подошла осень, ей не во что было одеть детишек.

Вышла бедная вдова в поле, увидела помятый придорожный кусточек, стала над ним причитать:

«Бедный ты мой кусточек, жалко мне твой каждый листочек! Злые люди арбами тебя давят, колёсами ломают, расти-цвести не позволяют. Так и меня злые люди с малыми детьми с дороги жизни сгоняют... Дуют на тебя с четырёх сторон ветры, терзают меня с четырёх сторон беды... Придёт зима, трудно тебе будет с голыми ветвями зимовать, и мне трудно будет своих деток одевать...»

Плачет бедная вдова, глаз не утирает, малый кусточек слезами поливает.

И вдруг видит чудо. Оживает невзрачный кусточек, тянет к ней каждую веточку, а на каждой веточке — белый комочек. Схватила женщина комочек, чувствует — тёплый он, как шерсти клубочек.

Подумала она, что бродили здесь чьи-то белые овцы, и побоялась вначале взять клочки шерсти, оставшиеся на цепких веточках. А потом рассмотрела, что это необыкновенная, волшебная, белая шерсть! Каждый комочек — в коробочке. А внутри комочка — зерно!

Обрадовалась женщина. Набрала полный фартук шерсти, выросшей на кустах, напряла много пря-

жи, наткала полотна, чтоб одеть детей, а семена посеяла...

И стал у нас расти хлопок...

Старик погладил свою бороду, прикрыл глаза, словно вспоминая, как это было, и заключил так:

— Вы стараетесь не ради своей жадности, а для народной пользы, — так пусть будет вашему хлопку земля мягче колыбели! Пусть вырастет ваше дитя солнца розовее розы, желтее дыни!

Помолчал и сказал:

— Ну, я слишком разговорился. Обрадовался, что у меня нашлись хорошие слушатели. Люблю рассказывать сказки, а некому: всё сижу один, дом караулю... Спасибо вам, что уважили старика!

Поднялся, покряхтел и пошёл восвояси, опираясь на мотыгу, с трудом переставляя не гнущиеся в коленях ноги.

Юннаты были смущены, что не почтили старика, как всех, кто им помогал, дастарханом. Но вскоре о нём забыли. Да и старик не напоминал о себе: сидел где-то дома, греясь днём на солнце, а вечером — у мангала с углями, да слушал радио.

Никто и не вспомнил о нём в эту тревожную ночь. Не до его сказок тут было. Звонили в правление колхоза: как быть, как спасти посев от мороза? А там своими большими полями были все заняты. Где им думать о маленьком школьном участке...

«Накройте, — говорят, — одеялом». Только обидели юннатов!

Звонили в МТС, а главный агроном даже разговаривать не захотел:

— Что? Школа? Повесьте трубку! Немедленно освободите провод, мне с областью надо говорить!

Ему тоже было не до школьного участка — он за поля всего района отвечал.

Дозвонились в эту ужасную ночь и до научного института. Учёная женщина, которая приезжала в колхоз, была любезней всех:

— Ах, дети мои, мы все разъезжаемся на места, руководить спасательными работами!.. Что, что? Какие есть машины? По науке? Да, есть опытные... Распылители горячей нефти... Они нам здесь нужны... Выходите из положения местными средствами, ребята!

«Местными средствами?.. Какими? Где их взять?» — задумались юные хлопководы.

— Что пригорюнились, внуки? — раздался вдруг голос над головами юннатов.

В раскрытое окно школы просунулась голова Азиза Манапова. Старик сам пришёл, хотя его никто не звал. Он услышал по радио, что будет мороз, и явился среди ночи.

Ребята обрадовались ему, как хорошему другу, и стали рассказывать старику про свои горести. Особенно им было обидно, что в правлении колхоза над ними даже зло пошутили: накройте, говорят, одеялом...

— Одеялом? — Старик долго смеялся. А потом вытер рукавом старого халата слезинки на глазах и сказал: — А вот и хорошо — накроем, накроем! А ну-ка, детвора, все за мной! Слушать мою команду!

И так решительно направился к хлопковому полю, что все последовали за ним, никто даже не обиделся на слово «детвора».

— Мороз идёт!.. Беда, беда! — говорил он. — А ведь хлопок — это дитя солнца, он любит жару и не переносит холода. Что бы сделала мать, если бы мороз застал в поле её ребёнка в одной рубашонке?

— Мать накрывала бы младенца одеялом!

— Конечно. Давайте и мы накроем нашего неженку одеялом! И будущего жёлтого, и его брата — розового!

— Да где же взять такое одеяло? — сказала Зия.

— Может быть, каждому из нас принести своё? — предложила Ульмас.

А Замира надулась, думая, что дедушка шутит с ними, как с маленькими.

— Нет, ваших одеял не хватит, — засмеялся ста-

рый Азиз. — Тут спасёт нас только одно одеяло, которое может расстелить сам северный ветер своим холодным дыханием. Тёплое-тёплое... лёгкое-лёгкое...

— Какое же? Какое?

— А вот догадайтесь... Сделанное из дыма! Да, да, из дыма! Раскладывайте-ка костры да зажигайте их так, чтобы дым покрыл всё поле!

Юннаты поняли. Быстро рассеялись по полю — раскладывать между бороздами костры. Вот зажёгся один, другой, третий огонёк. Весело затрещал сухой камыш, вспыхнув ярким пламенем, но пламя заглушил сырой навоз, и от него пошёл густой, плотный дым, стелющийся по земле. Множество дымков скоро слилось в один. Когда с севера повеяло холодом и ударил заморозок, он не коснулся всходов хлопчатника. Они были надёжно прикрыты тёплым, густым дымом костров.

Девочки бегали по полю босиком, подкладывая в костры навоз, и не замечали холода: ногам было тепло под дымным одеялом.

А дед Азиз, утирая пот и оглядываясь на покрывшиеся инеем крыши, усмехался:

— Что, перехитрили мы тебя, дед Мороз? Ступай себе мимо! Уходи до солнца!

Но мороз упрямо не уходил до тех пор, пока не встало солнце. Горячие лучи быстро растопили иней на крышах домов, на полях и дорогах.

Там, где не удалось защитить посевы, растения свернулись, почернели, и хлопок на многих полях пришлось в тот год пересевать заново.

Школьный участок был спасён.

Ребята хотели угостить старого хлопкороба, но никто не захватил с собой ни кусочка еды, бросившись по тревоге в школу. И на этот раз старик ушёл домой без ночётного дастархана...

Однажды осенью он пришёл и смотрел через забор, как девочки длинными пальцами ловко собирают розовые и жёлтые пушистые комочки необыкновенного цветного хлопка. Они нарядились, как на праздник: в

Множество дымков скоро слилось в один.

пёстрых тюбетейках, в ярких халатах, сами были словно живые цветы. И все так были заняты делом, что не заметили старика. Он был в халате, сером, как доски забора, а его белая борода была похожа на один из клочков хлопка, которым щедро украсили изгородь проезжавшие мимо арбы.

Азиз с улыбкой любовался на ловкость своих внучат. Старик был так счастлив, что они полюбили дело, которому он отдал всю жизнь, что ни о какой другой благодарности и не думал.

Однако подвиг его не остался безвестным. Юннаты написали о нём в газету. Напечатанное в газете передали по радио.

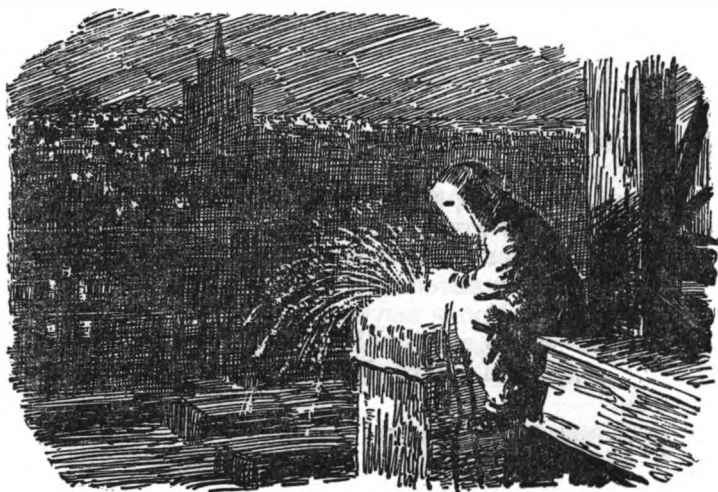
Старый Азиз, не пропускавший ни одной передачи, очень удивился, услышав рассказ про самого себя. И обрадовался.

— Внуки, — позвал он девочек, рисовавших картинки для стенгазеты, и сказал, лукаво шурясь: — не знаком ли вам этот старичок, про которого рассказывают сказку, как он перехитрил деда Мороза?

Смутились Замира, Зия и Ульмас. А потом рассмеялись и бросились целовать деда, ничуть не стесняясь, что на них смотрят все школьники, пришедшие в их просторный дом вместе выпускать стенгазету про дела юных хлопководов.

Один из юных художников даже нарисовал картинку: стоит дед, белый, пушистый, как куст созревшего хлопка, а вокруг него — внуки в цветных платьях.

БАЗА ВЕРХОЛАЗА

Петя, Миша, Маша, Надя, даже маленький Алёша так гордились своим отцом, что сочинили про него загадку:

Угадайте, кто такой:
Над красавицей Москвой,
В чёрной маске и с мешком,
Ходит по небу пешком,

Звёзды синие роняет,
К небу лестницу равняет,
Из больших стальных колонн
Дом высотный строит он
И для нас, и для вас
И зовётся...

Девочки и мальчики, собравшиеся со всего двора, хором отвечали:

— Верхолаз!

Ребятам это было очень приятно: не у каждого такой отец! Заботились они о нём как только могли. Отец на порог — Петя помогает раздеться. У Маши уже накрыта скатерть-самобранка. Надя ставит на стол горячий суп или борщ. Пока отец моется под душем, Миша подаёт ему пижаму и мягкие туфли. А малыш Алёша уже держит в руках газеты и журналы — отец любит почитать после обеда.

Однажды отец пришёл домой хмурый. Встревожились ребята. Посоветовались. Дома всё было хорошо. В школе тоже. Уроки выучены. Ни у кого ни одной тройки, не то что двойки. Наверно, у отца какие-нибудь трудности на работе. И Петя, как самый старший, спросил:

— Папа, что с тобой? Ты переживаешь трудности?

Отец удивлённо оглядел всю притихшую детвору и сказал с расстановкой:

— Переживаю...

— На высоте страшно, да? — выскочила Маша, хотя никто её не просил.

Её уже критиковали за то, что она чересчур болтлива, как сорока. Надо же задать отцу такой вопрос!.. Разве отец их когда-нибудь трусил? Он герой войны был!

Все зашикали на Машу, и она смутилась.

— Нет, ребятки, высоты я не боюсь, — сказал отец. — Другая у меня беда: осыпаюсь. Понимаете, осыпаюсь на высоте, как осенний клён... Всё с меня летит и падает вниз. Выпустил из рук карандаш — и нет его. Обронил записную книжку с чертёжиком — и фьють, нырнула в пропасть... Положил платок мимо кармана — упорхнул и, как белый голубь, пошёл порхать по кварталам... Ко всему привык на высоте: и к тому, что, работая, нужно прицепляться, и к тому, что по балкам и карнизам надо ходить, как по бревну, положенному через ручей, вниз не смотреть, а только вперёд. А вот к тому, что «уронишь — не поднимешь», привыкнуть не могу...

— А сам не упадёшь? — спросила боязливая Надя.

— Нет, зачем же! У нас техника безопасности. Там, где нужно, внизу стальная сетка. А где её нет, мы цепями за балки зацепляемся. Если сорвёшься — повисишь немного на высоте, как ёлочная игрушка на ветке, а потом либо сам к балке подтянешься, либо тебя подтянут, — улыбнулся отец.

Ребята притихли. Представили себе отца в виде ёлочной игрушки, и им стало страшно.

— Вот и трубку сегодня обронил, — сказал он. — Любимую.

Когда отец лёг вздремнуть, прикрывшись газетой, ребята устроили на кухне закрытое заседание. Дверь закрыли и говорили шёпотом.

— Это что — трубка... — сказал Петя. — Один верхолаз уронил кошелек с получкой...

— Да как же они всё роняют? Надо держать крепче, — сказала Маша.

— «Крепче!» — сказал Петя. — А ты попробуй! Попробуй ничего не поднимать, что уронишь, что от тебя останется? Сколько раз в день что-нибудь да уронишь... Посчитай-ка.

— И тетрадку, и ручку, и пенал, и чулки... и рубашку... и штаны... — стал считать лучший в семье математик, Миша, и заявил: — Если ничего не поднимать, в один день голым останешься!

Призадумались ребята. Вот не ожидали, что на высотной работе есть такая беда: «Уронишь — не поднимешь»!

Вдруг Маша взглянула на Алёшу, всплеснула руками и закричала своим самым громким в семье голосом:

— Нашла! Нашла! Привязывать! Надо всё привязывать, как Алёшеньке варешки. Помните, когда он тоже на высоте был, когда его всё больше на руках носили!

Все взглянули на Алёшу. Потом начали его тормо-

шить, ласкать, как будто это он и подал такую верную мысль.

— У Алёшеньки были варежки на тесёмочках! Валёночки на резиночках! Он не шёл с моих рук. Он любил высоту! — причитала Надя.

Быстро от слов перешли к делу и, пока отец спал, ему приготовили целую кучу образцов высотного снаряжения. Девочки достали все имевшиеся у них тесёмки, мальчики — все резинки, даже от рогаток.

И когда с работы вернулась мать, она с удивлением остановилась на пороге. Никто её не встречает. Отец стоит посреди комнаты, смущённо улыбаясь, а вся детвора увязывает его тесёмками, как лилипуты великана.

К обшлагам рукавов, к карманам, к пуговицам рабочего пиджака привешивают карандаши, записные книжки, носовые платки. И ещё что-то, и ещё что-то...

— Товарищи, что это значит? — сказала мама, сгружая на стол покупки.

Когда выяснилось, в чём дело, она стала смеяться. Ну просто так смеялась, что не могла остановиться.

— И нечего тут смеяться, — сказал отец. — Сама же меня за утерянные носовые платки ругаешь... А теперь попробуй вот, оторви что-нибудь. Изобрази порыв ветра!

— Попробуй, попробуй, мама! — закричали ребята. — Посмотри, как крепко! Вот карандаш, он на резинке... Вытащишь, черкнёшь что надо, и отпускай! Р-раз! И он обратно в карман! Это — резинка от рогатки. Помнишь, которую ты у Пети забрала...

В конце концов и мама стала изобретать вместе со всеми. Она предложила укрепить на резинке курительную трубку. Нашлась у неё одна в запасе — старый подарок отцу от его фронтовых товарищей. Только с трубкой получилось недоразумение. Она выскочила изо рта, когда отец неудачно повернулся, и, рассыпая искры, стала качаться, как маятник на часах.

Пришлось применить цепочку от старых ходиков.

— Ничего папа, ничего, — говорил Петя и стал тушить на отце искры, — трубку надо ещё доделать. Крышку ей приделать, чтобы табак не высыпался.

Наутро все проснулись чуть свет, чтобы проводить отца на работу оборудованным по-высотному: с анти-высотными резинками, на которых высотные карандаши, записные книжки, носовые платки, трубка, высотные спички...

Поначалу отец путался во всех резинках и тесёмках, но обещал привыкнуть. Хорошо, что ни одна вещь вниз не падала.

И, вернувшись домой, он радостно крикнул:

— Ура, граждане, сегодня без потерь!

Товарищи верхолазы посмеивались над его «высотным оборудованием», а потом стали завидовать. И все спрашивали:

— Где ты такие вещи достаёшь, где их изобретают? На нашем складе? Или на какой-нибудь технической базе?

— Да, — отвечал отец, — есть у меня такая база, собственная, семейная: Петя, Миша, Маша, Надя и товарищ Алексей...

ГЛУБОКО ПОД ЗЕМЛЁЙ

У ствола угольной шахты собрались ученики ремесленного училища.

На них брезентовые спецовки, на головах — каски, в руках — шахтёрские лампочки. Будущие шахтёры. Лица у всех строгие.

Как нужно добывать уголь, они изучали в классах, а под землёй ещё не бывали.

Первый раз в жизни спускаться в шахту многим было страшновато. Ведь это надо опуститься на полкилометра в глубь земли. Особенно робел один курносый, голубоглазый паренёк. Он раза три пропустил свою очередь на подъёмную машину.

— Лукьянов, Вася, ты чего же зеваешь? — обратился к нему мастер производственного обучения.

— Он трясёт! — заявил один из учеников.

Какой-то шахтёр, у которого лампочка горела пря-

мо на каске, заглянул ему в глаза. Потом потрепал за уши и сказал:

— Какой же он трусик? У трусиков заячьи уши...

Ребята рассмеялись. А Вася смутился и пониже надвинул каску на лоб.

— Он недавно из колхоза, — насмешливо сказал его недоброжелатель.

— А, из колхоза? Ну, тогда понятно, почему он не торопится. Ведь то, что у нас в шахте, он и дома видал. У них комбайны — и у нас комбайны. Угольные струги — это плуги. Ты на косилке работал?

— Работал, — ответил Вася, ещё не понимая, к чему клонит шахтёр.

— Ну, тогда ты и в шахте легко освоишься. Ведь наша врубовка — что ваша сенокосилка. Только закашивает она не клевер, а древние папоротники, слезавшиеся в угольные пласты...

— Я и полёгшую траву косил, — заявил Вася, почувствовав себя уверенней.

Он поднял голову и с удивлением посмотрел на шахтёра. Ишь, как он ловко всё повернул в его пользу! Выручил! Шахтёр подмигнул ему и всё так же полусерьёзно сказал:

— Ну вот, ты человек опытный. Правда, наши пласты довольно крепко слежались за миллионы лет... Но ничего, врубовкой возьмёшь.

— А вы на врубовке работаете? — спросил совсем осмелевший Вася, стараясь поближе узнать своего нечаянного друга.

— Да, — ответил он. — А раньше был вот таким же колхозным пареньком...

В это время из-под земли снова появилась подъёмная клеть, и Вася первый шагнул в неё. Шахтёр его так раззадорил, что ему уже скорей хотелось в шахту. Страх прошёл.

Шахтёр стал рядом и обнял его за плечи.

Зазвонили звонки, предупреждая, что клеть — с людьми, и она быстро понеслась в глубину.

— Как на самолёте, — сказал шахтёр, — только не вверх, а вниз. На пятьсот метров.

«Он весёлый, — подумал Вася. — Вот бы работать у такого помощником!»

Под землёй они быстро расстались. Шахтёр зашёл в конторку, а Вася вместе со всеми ремесленниками помчался по подземным путям дальше. Их мчал электровоз, тянувший поезд с порожняком из вагонеток.

Рельсы подземной дороги были проложены между двух рядов брёвен, подпиравших кровлю. Казалось, что поезд мчится по лесной просеке, только вместо голубого неба над головой чёрная земля.

«А вдруг рухнет, тогда что?» — думал Вася, и снова к нему возвращался страх.

Смотрели, как работает угольный комбайн, замечательная машина, которая всё делает сама: и подрубает пласт, и дробит уголь, и наваливает его на ленту транспортера, по которой он попадает в вагонетки.

Только бревенчатые стойки ставят следом за ней вручную крепильщики. Сильные, крепкие люди!

«Ведь над нами полкилометра земли... — При этой мысли у Васи больно сжималось сердце. — У некоторых людей, говорят, есть болезнь — боязнь высоты, а у меня, наверно, боязнь глубины, — думал он. — Вот беда! Знать, не выйдет из меня шахтёра!»

Он даже устал от боязни и едва тащился позади всех, когда пришли в лаву, где угольное поле закашивали врубмашинами.

Стали смотреть работу. Врубовка действительно похожа на косилку. Только у той между зубьями движутся ножи, подрезая траву, а у этой движутся сами зубья. Движутся и подрезают угольный пласт. И тянут машину не кони, а мощный мотор.

Вася так заинтересовался подземной косилкой, что отстал от экскурсии. Все ученики ушли, потому что им сказали, что здесь работа не ладится, и повели на другой участок.

А Вася как раз заинтересовался: почему не ладит-

ся? Он наблюдал, как иногда из-под зубьев врубовки летели искры, мотор завывал и машинист выключал ток.

По лицу шахтёра струился пот, он очень волновался, но не показывал этого. Вася видел, как у него дрожали руки, когда он менял повреждённые зубцы.

А наблюдавшие его работу люди в шахтёрских спецовках, с лицами, чёрными от угольной пыли, говорили:

— Вот видите, у нас почва плохая. Уголь залегает волнисто. В разных местах почву прорезают гранитные валы.

— Чуть пошёл побыстрей, наткнёшься на камни — и авария.

— Уж такое у нас плохое поле, что на нём норму не перевыполнишь.

— Уж если у самого Задорожного дело не идёт, что ж вы от нас хотите?

Вася прислушался и вспомнил, как у них в колхозе вот так же говорили, что на заливных лугах нельзя быстро водить косилку: там весенняя вода проделала канавки-промоины, машину поломаешь.

А они с отцом взяли с собой несколько круглых брёвен, стали закладывать канавы, и по ним косилка проходила отлично. Не хуже чем на самом ровном поле работали.

Лишь бы захотеть, всегда можно норму перевыполнить — это Вася знал с детства.

Он подошёл к врубмашинисту, наклонился к нему и сказал на ухо:

— Дяденька, а вы кругляки подкладываете.

— Какие кругляки? — Шахтёр повернулся к нему и сверкнул глазами из-под каски.

— Да вот брёвна, заготовленные для стоек. Подкладываете в тех местах, где камни, — машина и перейдёт.

— А это верно! — подумав, отозвался машинист. — Ну-ка, вот что: иди по пласту и отмечай, где камни.

И как он догадался, что у Васи в кармане кусок мела, спрятанный ещё на уроке, у классной доски?

Вася на коленях пополз вдоль чёрного угольного пласта, ощупывая уголь руками. Там, где из-под земли выступали гранитные куски, словно хребты окаменевших чудовищ, он обводил их мелом.

А Задорожный с помощником в этих местах подкладывали брёвна.

Когда это было сделано, они снова пустили врубовку. Машина подошла к брёвнам, легко перешла через них, как по мосту, и её зубцы вырезали в угольном пласте дугу, не коснувшись опасных камней.

Так же миновала машина вторую гряду, третью и благополучно дошла до конца подземного поля.

Задорожный повеселел. В следующий заезд он уже пускал машину быстрее. Посматривая на ручные часы, он приговаривал:

— И этот пласт признаёт нас!

Шахтёры больше его не критиковали, а молча шли следом; сгибаясь, становились на колени и засматривали, как он работает. И разговоры слышались совсем другие:

— Вот видите, значит, можно работать быстрее!

— Значит, дело не в трудном пласте...

— Дело мастера боится!

Задорожный делал вид, что не слышит, и командовал Васе, как своему помощнику:

— Давай, давай, отмечай живей! Помогай, тащи стойки, действуй!

И Вася действовал: размечал пласт, подтаскивал брёвна, мостил дорогу машине.

Он совсем забыл, что над ним полкилометра земли. Уже не думал, что она может обвалиться. Он даже забыл бояться. И страх куда-то совсем улетучился.

Пот струился по его щекам. Он утирался рукой, чувствуя на щеках своих угольную пыль, мягкую, как бархат.

Так проработал он до конца смены. Вместе с

А Задорожный с помощником подклидывали брёвна.

Задорожным попал в конторку под землёй, где на белой стене висела доска соревнования.

При нём на доске написали, что Задорожный, спустившись в незнакомую лаву, доказал, что и здесь можно работать быстрее и перевыполнять норму, несмотря на сложное залегание угля и на плохую почву.

Вместе пошли к подъёмной машине.

Мастер обнял Васю и сказал ему, поднимаясь наверх:

— Вот видишь, всё как у вас в колхозе, даже брёвна под нашу косилку можно подкладывать, как в лугах. Теперь не боишься, Лукьянов?

— А откуда вы меня знаете? — удивился Вася.

— Да и ты меня знаешь, посмотри хорошенько.

Они вышли на поверхность земли. Вася взглянул на шахтёра при солнечном свете и отшатнулся.

Перед ним стоял какой-то сказочный трубочист. Нос чёрный, щёки чёрные, и на черномазом лице ярко сверкают белки глаз и белые зубы.

— Да ты на себя посмотри!

Вася глянул в зеркало, висевшее в раздевалке, а там рядом с мастером — такой же чёрный-чёрный забавный паренёк в шахтёрской одежде.

— И это я? — не поверил своим глазам Вася. — Да это Максимка!

— Ишь, как нас угольная пыль разукрасила! Вот если таким остаться!.. Ну, давай в свою натуру превращаться.

С этими словами шахтёр подтолкнул Васю в душевую комнату, устроенную при выходе из шахты.

Они сбросили с себя запылённую одежду, и потоки воды обрушились на их плечи, как хороший ливень.

Под её живыми струями на глазах у Васи шахтёр из чёрного вдруг превратился в белого человека. Его мускулы блестели. Он довольно похлопывал себя по сильной груди и посмеивался:

— Шахтёрская профессия самая чистая: мы каждый день купаемся!

Вася присмотрелся к нему и узнал того самого шахтёра, который искал у него заячьи уши и заявлял, что он не трусик.

— Ой, теперь я вас узнаю! Так это вы меня выручили, когда я в шахту лезть боялся! — воскликнул он.

— А разве ты боялся?

— Было немного... А вам спасибо, большое спасибо!

— Да ведь и ты меня выручил, тебе большое спасибо.

— Ну, не стоит, — смутился Вася.

— Правильно, не будем считать. Шахтёр шахтёра всегда должен выручать.

— Это верно.

Так они и поговорили, пока купались.

Вдруг Задорожный подставил под душ ладони так, что вода оттолкнулась от них и брызнула ему снизу в лицо.

Он фыркнул и засмеялся:

— Так мы, шахтёры, нос прочищаем. Учись!

Вася повторил его фокус и так же фыркнул и рассмеялся.

Он вышел из душевой освежённый, весёлый, с задорной мыслью: «Вот я и шахтёр!»

ПРОВОДНИЧОК

Прошлой весной я участвовал в интересной экспедиции в центральные степи Казахстана. Пригласил меня профессор ботаники, исследователь этих диких мест. Он каждый год отправлялся собирать степные травы для университетской коллекции.

Много людей он с собой не любил брать. Вот и сейчас — с ним всего две лаборантки, его помощницы по кафедре, умеющие хорошо определять растения, выкапывать и засушивать их среди толстых листов бумаги, да учёный секретарь Маргарита Петровна. Она была кассиром, завхозом, парторгом и художником экспедиции.

Эта девушка была моложе всех и строже всех. Она носила очки — тёмные, куртку — кожаную, штаны — лыжные и ботинки — на толстой подошве с шипами.

Профессор ценил её как художника: она замечательно точно умела срисовывать цветы и травы.

Меня пригласили в качестве охотника и рыболова, — профессор считал, что лучше взять ещё одного

человека, умеющего доставлять дичь и рыбу, чем мёртвый груз продовольствия. Так я и поехал взамен двух ящиков консервов и мешка копчёностей.

Все мы уместились в крытом брезентом автомобиле-вездеходе с прицепной тележкой, на которой лежали палатки, папки для гербариев и прочее имущество.

Обе лаборантки по очереди выполняли обязанности шофёра. Одна из них умела не только водить машину, но и чинить её: окончила курсы шофёров-механиков.

Профессор подбирал себе помощников смелых и умелых. Эти девушки были снайперами, волейболистками, пловчихами, лыжницами.

Но вот беда — они не умели разводить костры и вкусно готовить пищу.

Мы убедились в этом на первом же ночлеге. Разведя костёр, я занялся палаткой. А в это время костёр прогорел, и я попросил Маргариту Петровну раздуть угольки.

Вот уж и палатка для ночлега готова, пора бы чайку закипеть, а огня что-то всё нет. Взглянул я и увидел необыкновенное зрелище. Положив поверх углей сухой полыни и веток, Маргарита Петровна не дула, а дышала на костёр, раскрыв рот. Дыхнёт на угольки — чуть-чуть полетит пепел. Вздохнёт — а дым ей в рот. Откашляется и опять дышит. А из-под очков — слёзы: дым глаза ест.

Нарочно ведь такого не придумаешь, чего изобретёт неуменье!

— Да вы губы сложите плотней, как для свиста, и дуньте! — не выдержал я.

Свист у неё кое-как получился, а костёр раздуть так и не смогла. Очень этим смутилась и просила меня никому не рассказывать.

Ужин нам приготовили лаборантки такой, что даже сами не могли есть...

— Ничего, — сказал профессор, — на реке Кара-Кенгир мы возьмём в проводники моего старого друга, казаха Усенбаева. Это большой мастер готовить на

костре дичь, рыбу, барашков, что и... — Профессор только покрутил головой, не в силах выразить словами, как вкусно готовит бывалый проводник.

Но каково же было наше огорчение, когда старого Усенбаева не оказалось на месте. И юрта его стояла у любимого родника — маленький холмик среди холмов — и гуляли на просторе хранимые его семьёй колхозные овцы, а его и след простыл.

Старик повёл в степь экспедицию — разыскивать лучшие места для новых совхозов. Мы думали, что, явившись весной, чтобы застать степь в цвету, приехали раньше всех, но ошиблись.

Нам сочувствовали и жена Усенбаева, и его взрослые дочери, и их мужья, степенные чабаны. Но помочь ничем не могли. Никто из них не должен отлучаться от доверенных им колхозных стад, да и не бывали они проводниками.

Мы чуть не до утра сидели, собравшись в кружок, пили чудесный ароматный чай, заправленный бараньим салом и чуть присоленный. Ели бешбармак и даже шашлык.

И я только удивлялся, что за войлочными стенами юрты в это время всё делается само собой. Собаки, деловито лая, загоняют овец, коз и коров; огонь в костре горит, не угасая. И чьи-то ловкие руки просовывают то ведёрко с родниковой водой, то палочки с шашлыком, шипящим в собственном жиру.

Выйдя из юрты, я обнаружил, что всем правил шустрый мальчуган, очень оригинально одетый — в малиновой рубашке, выпущенной из-под бархатной жилетки, в трусах, в брезентовых сапогах и в пёстрой бархатной тюбетейке. Он носился как на крыльях и всё успевал: и овец загнать в кошары и коров в загородку — на дойку, и кизяка в костёр подбросить, и шашлычные вертела с углей вовремя снять...

Все старшие были с гостями, а он им прислуживал как младший.

Вот этот-то мальчик нас и выручил. Подошёл утречком, когда мы с профессором, проснувшись, разбирали маршрут на карте, и сказал:

— Проводник вам есть!

Профессор широко улыбнулся:

— Что, вернулся мой старый друг, Усенбаев?

— Нет, старый ещё в степи, а молодой есть. Арип.

— Кто это? Опытный человек?

— Да, конечно, Арип — опытный человек.

— Нам ведь не для того, чтобы показывать путь в степи — это мы найдём по карте, нам нужен такой...

— ...такой, чтоб и огонь развёл, и сготовил, и всё по хозяйству сделал, — продолжал мальчуган. — Дичь ошипал, рыбу почистил — ну всё-всё, чтобы вы только наукой занимались!

— Совершенно правильно, — сказал профессор, — такой вот рабочий человек, хозяин... Чтобы лёг позднее всех и встал раньше всех... и всё у него готово!

— Это как раз такой человек, — сказал мальчик уверенно.

— А он может с нами поехать?

— Да хоть сейчас, только ему надо предупредить женщин, что профессор приглашает его в проводники.

— Нам бы надо с ним вначале познакомиться, — напомнил я.

— Это можно. — Мальчик поправил чёрные вихры под тубетейкой, вытер о трусы ладонь и, протянув её дощечкой, сказал: — Арип Усенбаев!

После некоторой доли затруднительного молчания мы пожали его обветренную, жёсткую руку, не сказав ни да, ни нет.

Приняв молчание за согласие, Арип быстро развернулся на одной пятке и, оставив на месте своего стояния лунку в земле, исчез так же неожиданно, как появился.

В самое затруднительное положение мы попали, когда Арип явился с заспанным мешком за плечами, в тех же стоптанных брезентовых сапогах, в бархатной

жилетке поверх рубашки и с тубетейкой на голове. К прежнему наряду добавился пионерский галстук.

— Вот я весь совсем... Много места не займу!

— Это, конечно, было его самым несомненным достоинством, но не самым для нас нужным.

Профессор не знал, что делать. Я стоял за то, чтобы взять бойкого проводничка, ловкость которого я нечаянно заметил ещё ночью. Но Маргарита Петровна категорически заявила:

— Нет! Детский труд в нашей стране запрещён. Нельзя нанимать вместо рабочего ребёнка!

Сколько мы ни уговаривали её, что шустрый, деловой мальчишка в экспедиции может пригодиться, — ничего не помогло.

Учёный секретарь, завхоз, кассир и парторг — все вместе в её лице заявляли нам, что незаконно брать в научную экспедицию несовершеннолетнего.

Арип то темнел, то бледнел; ему хотелось вмешаться, но он был воспитан в уважении к старшим и проявлял удивительную сдержанность. На каждое её возражение только бормотал про себя: «Правильно, верно...»

Так ведь и не взяла бы она Арипа, если бы я не вспомнил, как она смешно раздувала костёр.

— Маргарита Петровна, — сказал я негромко, ей одной, — этот отчаянный мальчишка замечательно умеет разводить костры...

Что-то дрогнуло в лице учёного секретаря. А когда профессор добавил: «Известно ли вам, что я увлёкся ботаникой с тех пор, как меня в детстве взяли однажды в экспедицию?», она сказала:

— Ладно, возьмём... Только платить ему будем половину жалованья.

Так несовершеннолетний Арип попал в нашу экспедицию половинкой проводника, на полставки...

И мы в нём не ошиблись.

При первом же ночлеге Арип показal такие таланты, что все только удивлялись. Во-первых, он указал

ручей, не отмеченный на карте, но известный чабанам, с чудесной питьевой водой. Во-вторых, не только развёл костёр, тут же набрав кизяка, сухой полыни и каких-то прутьев, — он пошёл с электрическим фонариком, побегал с моим рыболовным сачком по степи и принёс под рубахой, перетянутой ремнём, полдюжины перепелов.

— Вот, — сказал он, улыбаясь так, что все его белые зубы засверкали на смуглом лице, — эти птички очень любезны, когда их жарят на вертеле...

Он не совсем твёрдо знал употребление в русском языке некоторых слов, и иные фразы звучали в его устах довольно забавно.

Перепела показались нам действительно очень «любезными», когда он поджарил их целиком на вертеле, — ловко, как фокусник, повёртывая каждую птичку над углями так, что ни одна капля шипящего жира не упала в огонь. Дичь жарилась в собственном соку и была вкусна — пальчики оближешь!

Мы ели, и я особенно громко хвалил молодого Усенбаева. Лаборантки поддерживали мои восторги. Одна только Маргарита Петровна ела не меньше других, но молчала, словно злилась, что чересчур вкусна пища... Профессор посматривал на неё насмешливо, и это её очень сердило.

Арип не замечал её недружелюбия и ухаживал за ней даже больше, чем за всеми. И всё со своей прекрасной улыбкой.

«Каменное сердце надо иметь, чтобы не отозваться на дружбу такого замечательного мальчишки», — удивлялся я.

Проводничок думал, что она не радуется вкусной пище только оттого, что нездорова, и предлагал ей не перепелов, а перепёлочек, которые мясом понежнеей.

Утром, когда лаборантки пошли умываться, а Маргарита Петровна несколько запоздала, составляя дневник экспедиции, Арип провёл её выше по ручью, где

воду ещё не замутили и она текла среди зелёных водорослей чистая, как изумруд.

Так чего же она на него сердилась? К чему ревновала? Уж если на то пошло, ревновать надо было бы мне! Арип совершенно затмил мою славу рыбака и охотника. Поймав поздно вечером перепелов без всякого шума и стрельбы рыболовным сачком, наутро он поймал рыбу руками.

Явился весь мокрый, выложил перед нами на траву шуку кило на три и говорит:

— Вот, руками поймал. Что будем делать: уху из неё жарить или запечь её в глине?

Решили варить уху, что и имел в виду Арип, по ошибке употребивший слово «жарить».

— Как же так, руками? — спросил я. — Ты не ошибся?

Соврать Арип не мог, не так был воспитан.

— Это очень просто, — сказал он: — за глаза надо хватать! Пойдёмте, я покажу, там ещё есть, только очень большие... Не такие сладкие, как эта, жёсткие...

Он опять употребил не то слово, но я даже не поправил его, поторопившись проверить, где это «там ещё есть». Захватив спиннинг, я побежал вслед за Арипом, очень скорым на ноги.

Но спиннинг не пригодился. Огромный бочаг — омут от пересыхающего летом Кара-Кенгира — так зарос камышами, что пролезть было трудно, не то что размахнуться удилищем и закинуть блесну.

Только где-то в середине темнели небольшие окошки чистой воды, и к ним вели какие-то тропинки.

— Гуси-утки гуляют, — сказал Арип.

Вначале мы шли во весь рост, а затем он пополз на четвереньках, раздвигая жёсткие стебли камышей, и предложил мне следовать его примеру.

Приблизившись к окошку чистой воды, где темнела глубина, Арип остановился и, притаившись, протянул одну руку под водой и стал пальцами мутить воду, булькать. Другой рукой пошевеливал камыши. Оче-

видно, он подражал утёнку, роющемуся клювом в корневищах тростника на краю омута.

Я с любопытством приподнялся и вдруг увидел, как навстречу мне из тёмной глубины всплывает что-то зелёно-серое, длинное, как осиновое бревно. И у этого бревна два круглых огромных глаза... Со злым и хищным выражением уставились они на то место, где булькала вода и шевелился камыш...

Чудовище тихо приближалось, медленно приоткрывая пасть для неосторожной утки или гусенка...

Мне стало как-то жутко.

— За глаза, за глаза! — шептал Арип.

Я пошевелился, оступившись, и привидение вмиг исчезло.

Но запомнил я эти глаза... Схватить за них не каждый может.

Решив, что я забраковал щуку, как «не сладкую» для еды, а слишком жёсткую, Арип поднялся и сказал, смотря на меня открытым взглядом:

— Вот так можно их ловить. Они всю рыбу скушали, птичками интересуются. Особенно утром. Они раньше нас встают, завтракать хотят...

Больше я не сомневался в способностях Арипа ловить перепелов рыболовными сачками, а рыб — руками.

Скоро мы все полюбили проводника, и только Маргарита Петровна словно не замечала его стараний и забот.

А он почему-то больше всех тянулся к ней, заглядывал в лицо и никак не мог заглянуть в её глаза, скрытые тёмными очками.

И однажды сказал мне со вздохом:

— И глаза больные, а? Такой молодой, такой красивый... Ай-яй-яй!

Очевидно, сердце его прониклось жалостью к человеку, которого он считал слабее всех в экспедиции. И поэтому Арип часто провожал Маргариту Петровну в её рисовальные походы. Шёл впереди к цветущим

тюльпанам или к кустам верблюжьей колючки и, прокладывая тропинку, всегда посвистывал и помахивал перед собой гибким прутиком из молодой лозы.

Однажды мы забрались в какую-то удивительно красивую долину. Вся она цвела розовыми, синими, белыми, жёлтыми цветами.

— Вот место для заповедника! — сказал профессор. — Надо его зарисовать во всех видах. Нельзя распахать всю степь подряд, надо оставить такие вот места как рассадники полезных трав.

Пока мы любовались, Арип разводил костёр и готовил ужин.

Решили остаться здесь подольше.

— Ох, и порисую я акварелью! — впервые радостно сказала Маргарита Петровна.

Услышав это, Арип предупредил со всей серьёзностью, на какую он был способен:

— Женщины, без меня не ходить! Здесь могут быть покушения...

Наши лаборантки рассмеялись. Улыбнулся наконец словам Арипа и учёный секретарь, наша Маргарита Петровна.

А наутро, проснувшись раньше всех, она отправилась в качестве художника в живописную долину, не предупредив Арипа.

Признаться, и я не придавал значения его словам, приняв их за шуточные, и не обратил внимания, что среди умывающихся на берегу большого озера, где я наконец успешно ловил спиннингом, нет Маргариты Петровны. И вскочил как ужаленный, услышав её крик. Она вскрикнула так, как может закричать человек лишь в минуту смертельной опасности.

Не мешкая, я бросился на помощь... со спиннингом. Меня опередил профессор с ружьём.

Зрелище, которое мы увидели, было так неожиданно и страшно, что у меня подкосились ноги.

По колени в траве неподвижно стояла наша Маргарита Петровна, защищая лицо пучком кистей и ящич-

ком из-под акварельных красок, а перед ней, покачивая головой и готовясь к прыжку, — змея. Громадная чёрная гадюка, укус которой весной бывает смертелен.

Жизнь и смерть девушки решали секунды. Я ничего не мог поделать со спиннингом в руках. Профессор не решился стрелять из дробовика, боясь поранить Маргариту Петровну, заслонявшую от него гадину.

И вдруг в высокой траве мелькнула пёстрая тубейка. Будто из-под земли вырос Арип с прутиком в руке...

Что он сделает этим прутиком?!

Арип громко свистнул. Змея на него оглянулась! В ту же секунду Арип взмахнул прутом, и голова её отскочила прочь, как чёрный мячик.

Тут Маргарита Петровна повернулась, чтобы бежать к нам, но Арип закричал:

— Стойте, стойте, тут ещё такие!

И стал бегать, посвистывая, пошаривая по траве и среди цветов своим волшебным прутиком. Две змеи уползли, испуганные им, а одна подняла голову из цветов и тоже была убита ловким ударом прута, которым действовал Арип, как саблей.

Выведя художницу из опасной долины, Арип покачал головой и сказал:

— Ай-яй-яй, как не стыдно гулять одной! Я же говорил: тут могут быть покушения.

— Да не покушения, а укусы! — засмеялись наши лаборантки, не решавшиеся теперь отойти от палатки.

— Всё равно нехорошо, — ответил Арип, вручая каждой тонкий, гибкий прут. — Впереди себя траву шевели. Трусливая змея убежит, храбрая голову подымет. Тогда свистни — она прислушается. Подумает — суслик. И тут её прутиком по шее — вжик! — и голова отлетела. Видали, как я? Так мы всегда делаем. Так и вы делайте.

Как ни проста была эта наука, нашим путешественникам освоить её не удалось.

Арипу пришлось бегать впереди них и расчищать дорогу к цветам и травам соблазнительной, но опасной долины.

Маргарита Петровна с этого дня с ним не рассталась. Шагу одна не делала. Только и слышался её голос, который вдруг стал ласковым:

— Проводничок!

И Арип откликнулся. Мы часто видели, как художница рисовала с натуры цветы, а он внимательно наблюдал, как из-под её кисти возникали они на бумаге.

И по-прежнему успевал он всё делать в лагерном хозяйстве.

Расстались мы с Арипом неожиданно. В верховьях Кара-Кенгира наша маленькая экспедиция встретила большую экспедицию по определению мест для новых совхозов, в которой был проводником его дед, Усенбаев.

Мы уже закончили свою работу и находились недалеко от железной дороги. Решено было отпустить Арипа. И мы сдали его деду, как говорят, «с рук на руки», поблагодарив от души за все труды.

При этом наш учёный секретарь так расчувствовался, что вместо половины уплатил проводничку полное жалованье взрослого проводника.

И больше того: когда мы прощались, Маргарита Петровна погладила Арипа по тюбетейке... Смутилась. Потом решительно сняла очки, расцеловала проводничку и, оглядев нас, заявила:

— Вообще я считаю, что в каждой уважающей себя экспедиции должен быть боевой мальчишка!

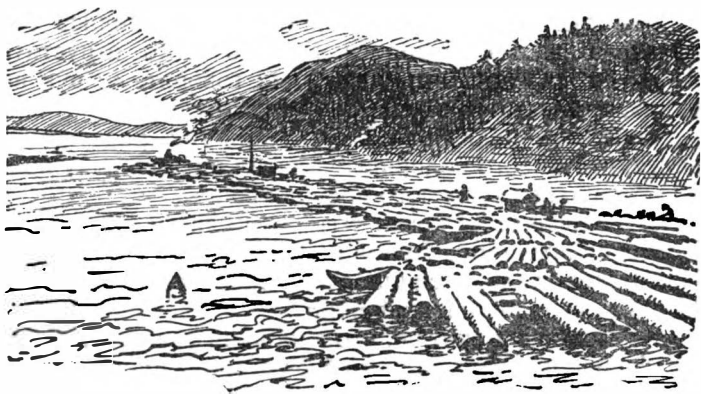
Словно мы возражали!

Мы переглянулись с профессором, и он шепнул мне:

— Посмотрите-ка, первый раз вижу её глаза! Взгляд-то добрый!

И верно, под тёмными, защитными очками Маргарита Петровна скрывала большие, серые, очень красивые и добрые глаза.

КРЯЖОНОК

В одной московской школе почти в середине года появился новый ученик, Миша Макеев, и поступил в третий класс.

Удивительно угловатый какой-то, такой жёсткий, что о его плечи, локти, бока мальчики и девочки, резвящиеся на переменах, ушибались, как о дверные косяки.

Московские ребята все шустрые, а он откуда-то взялся такой медлительный, неповоротливый, что нельзя за него не задеть.

Но вот однажды задали сочинение на тему «Кем я хочу быть». Все ещё раздумывали да расписывали, а он сдал листок учительнице скорее всех и вышел в коридор.

Всем было любопытно, что написал так быстро этот увалень. Какую отметку он получит?

Похвалила учительница первых учеников, написавших на пятёрки, как они хотят быть инженерами, радистами, изобретателями.

Поставила четвёрки тем, кто хотел быть геолого-разведчиками, моряками, лётчиками, — за торопливость и кляксы.

Несколько троек пришлось на долю будущих артистов, писателей, кинооператоров — за грамматические ошибки.

А Макееву отметки всё нет и нет. Может быть, учительница поставила ему пять с плюсом и приберегает это сочинение напоследок, чтобы похвалить как самое лучшее?

Приберегла напоследок! Взяла листочек и говорит:

— А вот Макееву я даже подходящей отметки не нашла...

Кто-то громко шепнул:

— Шесть!

Кто-то ещё громче:

— Ноль!

Миша степенно поднялся и встал солдатиком, руки по швам.

— Что здесь написано? — спросила учительница, показывая классу Мишин листочек.

Миша молчал. Зачем же лишние слова, когда там написано?

Учительница поглядела на его спокойный вид и раздельно прочла:

— «Кем я хочу быть», сочинение Михаила Макеева. «Я хочу быть моим дедушкой».

Смешливые девчонки фыркнули. Мальчишки громко расхохотались. А Миша даже бровью не повёл.

— Очевидно, Макеев хочет быть не собственным дедушкой, а таким, как его дедушка?

Миша кивнул головой.

— Но он не объяснил нам, кто же такой его дедушка.

— Кряж, — сказал Миша.

— А чем он знаменит, на каком деле отличился?

— На пыже!

При этих словах наступила полная тишина. А по-

том весь класс рассмеялся так громко, что даже дверь приоткрылась сама собой.

А Миша пожал плечом, усмехнулся краешком губ, как это он один умел делать, словно хотел сказать: «Это мне над вами надо смеяться, что не понимаете таких простых вещей».

Учительница закрылась листом бумаги, потом, не глядя на него, а куда-то в сторону, спросила:

— Может, Макеев нам объяснит, что это такое?

— Кряж — это уличное прозвище. По фамилии дедушка, как и я, Макеев. У нас в посёлке Керчево половина Макеевых. Так вот, чтобы отличить, всем и дают уличные прозвища, — обстоятельно объяснил Миша. — А «пыж» — это у нас на Керчевском плоточном рейде называется затор из брёвен, который образуется в запани...

Подумал и сказал:

— Да ведь вам непонятно: «запань». Это западня для брёвен. Когда они плывут модем... — Он опять запнулся: — Вам непонятно: «модем». Это значит — вразброс, не сплочёнными в плоты, не связанными в вozy...

И тут задумался.

— Вozy — это опять не такие, как обыкновенно, с сеном или дровами, запряжённые лошадей... Наш камский воз требует шестьсот лошадиных сил... Это несколько плотов, в каждом тысячи брёвен, на них избушки для плотогонов. Такой воз идёт — как деревня плывёт. На плотях, как на улицах, гармошки играют, ребята бегают. Собаки лают на берега.

Буксир как загудит: «Лес везу-у!» — так все пассажирские пароходы сторонятся. Если такой воз заде-нет...

Чтобы собрать такой воз, мы всем селом работаем. Отец мой — на сплочной машине, мать — на сортировочной сетке, дедушка — у выпускных ворот в запани. А я им обед ношу. Только бабушка у нас дома по хозяйству.

И так у нас все. Нам за лето миллионы брёвен надо в возы связать и во все стороны отправить. И на Сталинград, и на Москву, и на Каспийское море, и на Цимлянское...

Наш рейд — Керчевский — на весь мир знаменитый. А мой дедушка — во всём Керчеве. Потому что он запанские ворота отворяет и на весь рейд брёвна выпускает. Бригадой самых ловких багорщиков командует. У него все наши лучшие футболисты. Ребята ловкие.

В руках у них багры, как длинные пики. Перед ними — ворота узкие. Течение бурлит. Брёвна теснятся. Надо не все сразу — по очереди пропускать. Из-под багров гладкие сосны жуками стреляют, скользкие осинки налимами проскальзывают, тяжёлые дубы, как сомы, идут. Сучковатый кряжина упирается, как ёрш! Всему делу может затор образовать. Заприметит его дед, как ударит багром, как развернёт, и он на струю попадёт и проскочит.

Плывут брёвна дальше, а там их багорщицы перенимают, по сортировочным дворикам разгоняют.

Чтоб не спутаться, не соскучиться, песню поют:

Осинку — на спички,
Дубочки — на бочки,
Ельник — поделник,
Сосняк — корабельник!
А вот кряжина, сучковатый ежина,
На дрова его заворачива-ай!

У моей матери голос звонкий, глаз меткий, рука крепкая.

Дальше брёвна по закону плывут: все по своим дорожкам, и в конце каждой дорожки ждёт их плоточная машина. Большущая, как этот вот дом!

Нажмёт мой отец рычаги — р-раз! — машина утопит руки-крюки. Подождёт он, пока брёвна набегут, — дв-ва! — и подымут их руки-крюки охапкой. Тр-ри! — обожмут. Четыр-ре! — проволокой стянут. А на пятом счету позади машины выбросят. И челенок готов!

А там уж из членков плоты вяжут, а из плотов во-
зы составляют...

Так, пока обед разнесёшь, весь рейд обойдёшь, всё
посмотришь.

К деду, конечно, к первому: щец с мясом горячень-
ких, каши с маслом тёпленькой, огурчиков холоднень-
ких...

Дед ест и похваливает.

Чтоб еда, которую из дома несём, не остыла, мы,
ребята, способ изобрели: бегать поперёк реки. Не по во-

де, конечно, а по брёвнам... От самых наших домов до того берега у нас воды нет — река брёвнами заполнена. Бревно к бревну. Бежать надо по ним босиком и во весь дух. Запнёшься — к смоле пяткой прилепишься, удержишься — бревно покачнётся, остановишься — оно повернётся. И ты под ним — и станет меньше одним...

У нас запрещено это. Ну, да ведь я не один. Все ребята так. Вперегонки бегаем...

Притихшие ученики воображают, как бегут взапуски ребятишки по колышущимся брёвнам через широкую, глубокую реку, и удивительная, заманчивая картина встаёт перед глазами, заслоняя чёрную классную доску, раздвигая белые стены, раскрывая школьные окна в далёкий, широкий мир...

— Ну, бывает и неустойка. Сгрудятся иной раз брёвна чересчур кучно, упрётся какое-нибудь толстенное поперёк, и вот в воротах пыж! Затычка. Всему делу затор. Передние брёвна ход запирают, а задние на них налегают. Иные лезут вниз, другие вверх. Растёт пыж, как дом... как гора, как тёмная туча...

Пыжится пыж! Слабые осины крошит. Берёзы в дуги гнёт... Сосны в щепы щеплет. Ёлки, как стрелы из лука, летят. Дубами, как из пушек, палит... Такой гром пойдёт... Весь рейд всколыхнётся. Механикам, сортировщикам, сплотчикам — всем тревожно. Диспетчеры друг другу по телефонам звонят: «Как там Кряж на пыже?»

И когда дедушка с пыжом справится, всем народом вздохнут: «Сдюжил наш старый Кряж!»

Дедушке уже семьдесят лет, а сильней его пока в нашем Керчеве никакого человека нет... Сильней его только машина...

И ничего, всё обойдётся. Идём вечером домой, а дедушка впереди. Он первый работу на рейде начинает, первый и кончает... Он берегом идёт и видит, как буксир из его брёвен последний воз везёт... И ему это любо... Как запоёт старинную песню:

Ой ты, Кама, Камушка,
Ты родная наша мамушка,
До чего же ты богатая река!
Что в цветах ковры персидские,
Заливны твои луга,
Что каменья самоцветные,
Блещут ночью берега!

Услышав в третьем классе песню, в дверь заглянул директор школы. И увидел: стоит за партой Макеев и поёт, а все слушают. И учительница за столом подпёрла щеку рукой...

— Это что такое? Разве урок пения?

— Тсс! — шепчет она. — Не мешайте, одну минутку!

И тут раздаётся звонок на большую перемену.

* * *

— Макеев! Макей! Макеич! Миша! — обступили, затормошили новичка ребята. — А что дальше? Что с дедом? Где он? Почему ты в Москве?

— Это долго рассказывать...

— Ну расскажи, расскажи!

— Деда на Каме нет. Он бы и сейчас там работал и меня бы здесь не было, если бы не поднялась буря. У нас волны обыкновенно нагоняет ветер низовой, а тут поднялся верховой... И как погнал стаи брёвен на ворота, как погнал, так сразу и образовался пыж... Да такой, что старики не видывали... Не затычка, не дом, а целая колокольня, и бурей её качает!

Над рейдом подняли сигналы бедствия... По радио всем велют убираться прочь!

Дед как крикнет на своих ребят:

«Орлы, уматывай!»

Так они упёрлись баграми и в два счёта из-под пыжа повыскакивали... А дед, оставшись один, погрозил ещё им кулаком, чтобы обратно не лезли, а сам пригнулся и ударил багром под самое основание пыжа...

Там всему затору основа — здоровенное сучковатое бревно поперёк ворот застряло. Вода из-под него вверх фонтаном бьёт, ревёт, а втолкнуть не может... Вот Кряж вонзил багор ему в бок. Вскочил на него, всем телом на конец багра навалился и давай раскачивать... И давай раскачивать!

Бревно ка-ак повернётся! Затор ка-ак рухнет! Гора из брёвен ка-ак грохнется!.. Прямо на то место, где была бригада... Не прогони дед багорщиков — не было бы у нас лучших футболистов.

Один дедушка под пыж попал.

Как рухнул затор — грохот, водяная пыль столбами. Радуга над рекой. Люди так и застыли: «Пропал Кряж под пыжом...» А он не пропал. Не такой дедушка, чтоб пропасть. Он всё рассчитал, когда на багор навалился. Большущее бревно под ним перевернулось, дед под него попал и тем спасся. Остальные брёвна, когда рушились, по нему и застучали!

А дедушку не задели, это его помяло, когда он в потоке закружился... Вот тут повредило ему спину, да и рёбра. За ним из Москвы самолёт прислали. В поликлинике теперь лежит. Весь в гипсе, как памятник. Его все в поликлинике знают и зовут Кряж Уральский.

— А поправится он?

— А как же! На то у нас медицина.

— Миша, а ты дедушку навещаешь?

— А как же! Меня для того и вызвали. У деда на поправку дела пошли, а с аппетитом не получилось. Не может здешнего обеда есть, и всё! Чего только не дают, а он — ни в какую. Привык, что я ему всегда домашний обед носил, и ему из моих рук всё вкусней кажется. Доктора по-учёному говорят, что это у него рефлекс, надо устранить торможение. Доложили нашему министру. Меня в самолёт и сюда прямо по воздуху. Теперь я каждый день сам лично обед приношу. Дед кушает, похваливает да на меня посматривает. Вот почему и к вам попал посередине года. И деда уважаю, и школу не пропускаю. Понятно?

Теперь всем понятно.

Только самая любопытная всё же спросила:

— Миша, а какое же у вас прозвище?

Юный Макеев улыбнулся и ответил:

— Ясно какое: у нас если дедушка Кряж, внучок — Кряжонок!

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ

Наша лодка легко плыла вниз по Оке. Удобно путешествовать по течению — река сама несёт. Только правь кормовым веслом да посматривай по берегам. Где место покрасивей — остановка.

Перед тем как отправиться в этот поход, мы основательно поспорили. Я предложил подняться вверх по реке и исследовать приокский заповедник. Ребятам будет интересно. Но взрослые воскликнули:

— Против течения? Да ведь это тяжело!

— Ничего, пробьёмся. Ребята сядут на вёсла. А когда и ляжкой потянут.

— Но они же не бурлаки!

Кончилось дело тем, что под мою команду были отданы два любознательных паренька, Сашок и Пашок, но с условием, чтобы в путешествии они не мучились,

а получали удовольствие... Родители подарили нам кожаную тетрадку, чтобы мы записывали всё прекрасное, что увидим.

Вот мы и плывём по течению... Прогуляемся от Шилова до Мурома, а там продадим лодку и вернёмся в Москву поездом.

Плывём и придумываем развлечения. Чтобы не скучать, разгадываем тайны, заносим наши открытия в бортовой журнал, хранящийся на носу лодки.

Так, например, мы открыли, что знаменитое дерево «петух», которым любят все пассажиры пароходов, идущих мимо села Высокие Поляны, выросло так причудливо, с хвостом и гребнем, не само по себе, а его сучья искусно подрубает старый колхозник Иван Петрович...

Недалеко от этих мест заприметили мы привлекательный остров. Круглый, кудрявый, весь в кустах. И красуется посреди реки, как клумба. Хорошее место для ночёвки!

Солнце уже клонится к закату. Пора на вечерней заре порыбачить, развести костерок, разбить палатку.

— Впереди — таинственный остров! — доложил Саша.

— Что ж, причалим? — спросил Паша.

Лишь только пристали к острову, как из кустов вышел какой-то паренёк:

— Сюда нельзя!

— Почему?

Наши ребята сейчас же заглянули в карту: «Непонятно. Заповедник мы давно проехали; он остался выше, где впадает в Оку таинственная Пра, а здесь вот река Пёт».

— Пёт — воду пьёт, — подтвердил незнакомец и с деловым видом стал отталкивать лодку босой ногой.

Конечно, мы могли бы поплыть и дальше — красивых мест на Оке много, — но было любопытно: а что же будет, если мы всё-таки высадимся? Остров действительно таинственный.

Саша и Паша быстро выскочили и решительно вытянули нос лодки на прибрежный песок.

Возможно, между ребятами произошла бы стычка, но присутствие взрослого удержало сурового островитянина.

— Вася! — позвал он.

Из кустов тут же появился второй незнакомец, такой же босой и простоволосый. Под мышкой у него был пучок заострённых палок. Отёсывая одну перочинным ножом, он оглядел нас внимательно:

— Отдыхаете?

— Путешествуем, — ответили наши мальчики, вытаскивая из лодки топор, чайник, палатку.

Они стыдились называться отдыхающими с тех пор, как один старик, который, свесив ноги с обрыва, плёл ивовые корзинки и бросал обрезки сучков в омут на забаву уклеякам, сказал насмешливо:

— От чего это вы отдыхаете, такие здоровые? От двоек?

Наши пятёрочки очень огорчились.

А потом услышали, как колхозницы, доившие на берегу коров, сказали друг другу:

— Ишь, что значит городские! Смотри, пухлые какие, ещё не работали, а уже отдыхают!

Мы проплыли, сделав вид, что это не про нас.

Конечно, это было исключение — как правило, жители берегов встречали и провожали нас добродушно и приветливо, а если посмеивались, то только в шутку.

А на этом острове почувствовалась определённая враждебность, когда босой островитянин, покосившись на наши спиннинги и ружья, сказал:

— Ну что ж, ночуйте... разок. Только охотничий сезон ещё не начался.

— Здесь скрывается тайна, — сказал Саша, когда островитяне исчезли в кустах.

— Пока не откроем, не уедем! — заявил Паша.

Вначале мы подумали, что ребята охраняют сети и снасти какой-нибудь рыбацкой артели. Разведка вы-

яснила — сети есть, но очень рваные, старые, явно бросовые. Ребята их починили кое-как... Много рыбы такими не наловишь.

Сашок и Пашок, тренированные в военных играх, ползали на брюхе, следя за островитянами, и открыли, что у ребят шалаш, ловко сплетённый из ивовых прутьев. Рядом — очаг, сложенный из кирпичей, привезённых с собой. Есть ещё железный сундучок для продовольствия, горшок с квасом, вкопанный в сырой песок в тени кустов. И заняты ребята странным делом: они остругивают сухие палки так, что на одном конце — рогатинка, а другой острый. Острым втыкают в землю, посреди острова.

Что у них вырастет? Непонятно.

Не желая быть назойливыми, мы занялись спиннингами. Закидывали блесны чуть не до противоположного берега. Шумно вытаскивали голавлей. Но ничто не привлекло островитян. По-видимому, они были заняты делом поинтересней нашего. И даже вечером не пришли на огонёк костра.

Это было совсем удивительно. Нас томило любопытство. Несмотря на такое счастливое обстоятельство, как полное отсутствие комаров, Сашок и Пашок, сколько ни притворялись, закрыв глаза, не могли заснуть.

Странные и непонятные происшествия всё время нарушали наш покой.

Среди ночи вдруг слышались какие-то необъяснимые звуки. Что-то дробно, часто и очень негромко постукивало по земле в том месте, где обитатели острова насажали сухих палок.

Нам чудилось, будто какие-то невидимые существа бьют в почти беззвучные барабаны.

Задремав под это топотанье, мы были разбужены шорохом в нашей палатке. Среди нас двигались какие-то гибкие, пушистые тела, чьи-то осторожные прикосновения щекотали наши носы и щёки.

— Брысь!

Поднялась суматоха. Засверкали лучи карманных фонариков. Ничего не обнаружив, мы попытались заснуть.

И вдруг в небе над нами что-то зашумело, зашелестело, словно стремительно спускающийся парашют.

Раздался жалобный крик.

Все мы вскочили, чуть не повалив палатку.

Посреди острова, на лужайке, что-то шумно хлопало, раздавались приглушённые крики.

В одну минуту мы очутились там — кто с ружьём, кто с веслом.

Среди натканых сухих палок шла упорная борьба. В лучах карманного фонарика мы увидели, что двое мальчишек одолевают какую-то могучую птицу.

— Береги глаза!

— Ой, когтищи! Вохватила...

Слышались громкие возгласы, щёлканье клюва, хлопанье громадных крыльев, поднимавших ветер.

Наши ребята быстро разглядели, что островитяне схватили ушастую сову.

— Зачем вы её? — удивился Саша.

— Отпустите сейчас же, это полезная птица! — крикнул Паша.

Но напрасно — ребята их не послушались. Один старался скрутить крылья, другой накрывал сетями голову.

— А я вам говорю — отпустите! Это же ловец грызунов! — бросился на помощь птице Паша.

— А вот не ловить её наших грызунов!

— Мы сами её подловили. Попалась!

И тут мы увидели, что сова запуталась в сети. С разлёта, погнавшись за грызуном, она не заметила старых сетей, развешанных ребятами на ночь на колышках. Для того они и утыкали прутьями всю полянку.

— Эх вы, вредители! — сказал Саша.

— А вы... бездельники! — ответили ему.

— Кто, мы? — возмутился Паша.

— А кто же?.. Плавааете тут зря... А люди делом заняты... Мешаетесь только!

— Мы мешаемся?

— Не повреди её, Вася.

— Нет, я аккуратно...

Сова была уже упрятана в мешок, как драгоценная жар-птица, и зло щёлкала клювом.

— А вот мы не позволим вам опустошать природу! — кипятился Паша. — Мы вмешаемся!..

— Нечего вам мешаться! Плывите кто куда — проплывёте, как вода!

— Не пузырьтесь — пузыри лопаются!

Это было так обидно, что, не вмешайся я вовремя, произошла бы горячая мальчишечья драка.

— Хватит! — сказал я. — Сова вам нужна для уголка живой природы? Вы местные юннаты?

— Ага, — ответили разом присмирившие островитяне.

— Дело ясное. Пошли чай пить, а не то утреннюю зарю прозеваем.

И мы благородно отступили на свои позиции, к палатке.

И каково же было наше удивление, когда мы обнаружили у себя разгром! Пачка чая валялась шагах в пяти от палатки разорванная. Гречневая каша в концентратах была рассыпана по полу палатки. А сахарный песок смешан с речным. Кто это похозяйничал?

— Вот разбойники! — возмущались наши ребята, собирая разбросанное продовольствие. — Ловят полезных сов и развели здесь вредных грызунов! Нет, так это оставлять нельзя! Мы сейчас же должны плыть в Елатму, к местным юннатам... Рассказать! Потребовать!

— Конечно!

При отплытии обнаружилась ещё одна пропажа: у меня исчез рукав от старого, любимого охотничьего ватника.

Он, правда, был надорван и едва держался, но кому понадобилось такое старье?

Так и отчалили, не найдя рукава и не попрощавшись с островитянами, скрывшимися в глубине острова.

Когда мы проплывали у его восточной оконечности, мимо густых кустов, из них вдруг показался Вася и, кинув нам в лодку рукав, крикнул:

— Нам вашего не нужно! Прощайте! Счастливого пути, бездельники!

— А вы воришки-вредишки — чай-сахар рассыпаете, ватники рвёте!

— Ой, неправда! Это не мы, это кролики. Она для гнезда утащила в нору, крольчиха! Мальва!

Сашок и Пашок сразу примолкли.

— У нас здесь кроличий лагерь! Кроликов разводим, понятно? — прокричал, сложив руки рупором, Вася вдогонку подхваченной течением нашей лодке.

И после этих слов нам всё стало ясно. Тайна острова была разгадана. Это кролики забрались к нам в шалаш, топотали ночью на полянке, как барабанщики,

устраи́вали пляски. Это они растащили наши запасы, пока мы спорили из-за совы, которая повадилась летать на полянку и хватать зазевавшихся зверьков, да вот попалась, наткнувшись на противовоздушную оборону островитян...

— Ну, что же мы теперь запишем в наш бортовой журнал?

Наступило долгое и неприятное молчание.

— Я врать не буду, — сказал наконец Сашок, — так и запишу, как мы заслужили название «бездельники...»

— Ага, — вздохнул Пашок.

— Как на одном из безымянных островков местные юннаты, вон из того села Высокие Поляны, поселили на лето кроликов, чтобы они разводились на природе, на даровом привольном корме... Удобно: остров — лучший вольер; кругом вместо сетки вода... А мы ничего не поняли... И остались в их глазах чудачками, бездельниками, ничего не понимающими в жизни; вступились за сову, таскавшую у них кроликов. Все совы, конечно, полезны, но именно эта вредна. А мы, как простаки...

— Ну нет, — вспыхнул Пашок, — я не согласен! Я в простаках ещё не оставался! Брось, не пиши!

— Так что же, врать прикажешь?

— Зачем врать? Исправить всё это надо. Понимаешь, надо вернуться!

— А ну, на вёсла! — скомандовал я. — Поворот «все вдруг»!

Ни разу ещё с такой быстротой не исполнялась моя команда. Лодка круто развернулась. Впереди было несколько островков из песка, намытых, очевидно, «грязнухой», землечерпалкой, чистившей русло реки. Они лежали голые, пустынные, мёртвые. И вдали виднелся зелёный остров. Но мы не поехали к нему. Не могли мы признать себя побеждёнными смекалкой сельских ребят. Мы решили ответить на брошенный нам вызов с не меньшей хитростью.

— Против течения! — командовал я, нарушая завет отцов, Сашиного и Пашиного.

Сашок и Пашок были ребята неплохие; беда была в том, что их слишком любили и баловали родители, ничем не утруждали. А тут пришлось сесть на вёсла и ударить во всю силу рук!

Бить против сильного течения было нелегко. Но жажда мести так вдохновила гребцов, что они не чувствовали усталости.

— Мы их проучим, и так, чтобы они запомнили надолго! Чтобы наша месть осталась памятной в веках! — говорил я.

— Мы не проплывём, как вода... без следа... — говорил Сашок.

— ...и без пользы, — уточнял Пашок. — Мы не пузыри!..

У нас уже возник коварный план.

Выгрузившись и разбив палатку на одном пустынном острове, что был побольше других, мы на пустой лодке поплыли на тот берег резать ивовые прутья. Зачем? Это была наша тайна.

И началась работа! Мы ходили на тот берег — тоже против течения. Так уж нам не повезло. Тащили лодку лямкой вверх по ручью, где заросли ивняка были особенно густы, а на обмелевших берегах чернела тинистая, наносная земля.

Мы возили на свой островок прутья и сырой ил. Пот лил с нас градом. Все стали чёрными от грязи и красными от усилий. Порвали одежду. Набили мозоли. Но трудились без удержу — так овладела нами одна интересная мысль.

Мы резали сочные прутья и втыкали рядами в сырой песок острова. В начале лета ивняк везде принимается, особенно в песке, под которым вода. Вот траве трудней, пока она своими корнями доберётся до влаги. Трава любит расти на илистых наносах.

Мы разгребали вёслами канавки, таскали в них ил — ну и тяжела же сырая земля! — и поверх плодо-

родного ила укладывали срезанный на том берегу травянистый дёрн.

Да ещё поливали его каждый вечер, черпая воду из реки.

Так мы жили, потеряв счёт дням, пока дёрн принялся, а посаженный нами ивняк выпустил первые клейкие листочки.

Победа! Пустынный остров преобразился. На нём густо пошла трава и не густо, но весело зазеленели бующие заросли ивняка...

Но не в этом дело — главное было в том, что мы из полосок дёрна выложили и вырастили лозунг: «Привет высокополянским юннатам от москвичей!» И теперь он ярко зеленел среди белого песка.

И больше того: когда посаженные нами прутики превратятся в кустики, сверху, с высокого берега, можно будет прочесть: «Саша» и «Паша». Огромные подписи сказочных богатырей, расписавшихся так остроумно и необыкновенно.

Они останутся в веках подобно знаменитому иероглифу «Цзинь», изображённому древними китайскими мудрецами где-то в Маньчжурии при помощи кедров. Царство «Цзинь» давно исчезло, а имя его сохранили столетние деревья... Это всё знали Сашок и Пашок, очень начитанные товарищи...

Вот всё это, полёживая на носу лодки, и заносили они в бортовой журнал. И были совершенно счастливы, что сами создали таинственный остров. То-то удивятся ему островитяне! Пусть теперь они попробуют отгадать нашу тайну!

Сама жизнь заставит их искать новые острова — кроликов на воле разведётся столько, что им на одном острове будет тесновато. Недаром грызуны забрались к нам в палатку, утащили пачку чая, прогрызли мешочек с гречневой крупой, а сахарный песок смешали с речным... Верно говорят: «Плодовиты, как кролики...» Вот поедут ребята искать траву, резать ветки и вдруг увидят — на пустынном прежде острове что-то

растёт... Эге, да это не просто выросло!.. Вначале задумаются, прочитав, что скажут им трава и зелёные кусты ивняка, потом всё вспомнят про нас. И стыдно им будет...

А нам хорошо!

ПОДВИГ

Три дня бушевала метель, а на четвёртый в окошки хаты ударило сверкающее солнце. Тимка выбежал на крыльцо и зажмурился. Прикрыл глаза ладонью и сквозь пальцы стал рассматривать зимние чудеса.

Хаты стояли совсем не похожие на хаты. Это были какие-то сделанные из снега корабли, терема, богатырские головы, увенчанные шлемами из блистающего снежного серебра. На окна, словно на глаза, спадала узорная бахрома ресниц.

А там, на гумнах, вместо стогов соломы выросли стены сказочных замков с могучими белыми башнями.

Даже заячьих следов не виднелось ещё на чистом пышном покрове, и Тимка поскорей встал на лыжи,

чтобы проложить первый след. Везде он любил быть первым.

И, конечно, направил лыжи к гумнам.

Уж теперь-то он скатится с самого большого стога, да так, чтобы пролететь по воздуху! Это была его мечта.

Тимка заторопился, увидев, что из многих хат также спешили к сказочным белым холмам и замкам ребятишки. В деревеньке Ополье полюбили ходить на лыжах с партизанских времён, когда местный отряд то исчезал, как на крыльях, среди лесов и снегов, то возникал вновь, наводя страх на фашистов. Когда враги приближались к деревушке, то колхозники на лыжах уводили в лес даже детвору. А старики были самыми отчаянными лыжниками.

Дедушка и рассказал Тимке, как однажды во время войны, провожая в штаб радиста из Москвы, сброшенного с парашютом, дед сам видел, как тот на лыжах перелетел через речку, как на крыльях, разогнавшись с Гремучего яра.

Вот это был прыжок! Кто видел Гремучий яр, тот знает и высоту и глубину его. На высоте растёт бор до неба, внизу кипит речка Омутянка, такая быстрая, что не мёрзнет и в самые лютые морозы.

Тимка видел её зимой. Над ней всегда стоит пар, как над каким-нибудь знаменитым водопадом, и сверкающий иней оседает на деревьях.

Гремучий яр всегда приходилось обходить, когда Тимка с дедом путешествовали на лыжах в лесное село Сеща, к дедовым партизанским приятелям. Интересно было слушать их рассказы про войну, и Тимка всегда увязывался с дедом и совершал длинный путь. А в глубине души мечтал поразить деда прыжком через речку с яра.

Бывало, подойдут к обрыву, Тимка выедет на самый край так, что взглянешь вниз — дух захватывает. Стоит тронуть лыжи — и сорвался, пошёл... Но Тимка только спрашивал:

— Вот отсюда парашютист прыгнул?

— Отсюда, — отвечал дед.

Тимка всматривался, и сердце его леденел холодок восторга и страха.

В белёсую бездну шла крутая покатость, дальше — обрыв, пропасть, звенящая река и низкий противоположный берег.

— И дальше по воздуху летел?

— Летел.

Тимка заламывал шапку, крякал, отъезжал прочь и долго молча шёл по дедовской лыжне в дальний обход.

Шёл и думал: как это люди бывают такими страшными?

Признаться, ему было страшновато скатиться даже с высокого стога соломы. Но сегодня он всё же попробовал. И удачно. Полетел. Правда, вверх тормашками, но всё же по воздуху.

На глазах изумлённых ребят он очутился в воздухе, перевернулся вместе с лыжами, изобразив нечто вроде ветряной мельницы, и зарылся в пушистый снег, как тетерев.

Много было смеху, когда он вылез весь в снегу и в соломе!

Но Тимка не успокоился. Упал — это не важно, главное — что летел. А это не каждый может.

И он азартно повторял и повторял свой прыжок, пока не собрал всех сельских мальчишек.

И когда ребята потешались над его нелепыми взлётами и падениями, над селом вдруг показался самолёт. От самолётов уже отвыкли после войны, и к месту его посадки собралась вся деревня.

На самолёте сияли большие красные звёзды, был он весь разукрашенный и необычный. Из него вылезли люди в меховых комбинезонах и попросили отвести их к бывшему партизанскому проводнику Егору. Тимка — рад стараться. Он сразу догадался, что это за самолёт и что за люди. Шла кампания по выборам в Верхов-

ный Совет. Народ выбирал своё правительство. Прилетели агитаторы. С гордостью повёл Тимка гостей в свою хату. Даже помог им нести какие-то тюки, довольно тяжёлые пачки.

Когда пришли в хату, гости сказали деду Егору:

— Привет вам от батьки Сидора! Мы его доверенные.

Старика озарила улыбка:

— Помнит, значит!

Но тут же и пригорюнился дед, когда услышал, зачем прилетели гости.

Привезли они на самолёте предвыборные листовки и плакаты для села Сеща и окрестных лесных деревень. Дороги туда так замело снегом, что машины не проедут. А на самолёте сесть там негде. Решили долететь до деревеньки Ополье, попросить доставить предвыборную литературу на лыжах. Известно, какой замечательный лыжник — бывший партизанский проводжатый Егор Иванович. Он, конечно, листовки в село и доставит. И за труд не сочтёт...

Промолчал дед, что стал он уже не тот, что раньше. Всю эту зиму лежал на печке, не мог уже больше ходить на лыжах. Но тут же сказал:

— Летите и скажите: всё будет сделано!

Не мог иначе ответить старый партизанский проводник бывшему партизанскому батьке.

Лётчики выпили молока, закусили хлебом и, пока было светло, улетели обратно, в полной надежде на слово старика.

А Егор подозвал внука и, погладив его по голове, сказал:

— Достань-ка, дружок, один листочек из кучи.

Тимка достал листок с портретом человека в генеральской фуражке.

— Не узнаёшь, внучек?

Тимка пригляделся.

— А помнишь, в войну, когда окружили наш край фашисты, сидели мы под Новый год и ужинали. Ели

щи, а в чашке у нас деревянная солонка плавала. Вот до чего довели нас враги — ни крохи соли не было! Окружили нас заставами — пешему не пройти, конному не проехать. Покоритесь, мол, тогда дадим соли! Худо нам было без соли, слабнет без неё человек: у стариков зуб крошится, выпадает, а у молодых кость не растёт. Но не покорялись мы Гитлеру! А чтобы хоть немного себя обмануть, пустую солонку в борщ пускали. Из старой деревяшки остатки соли вымачивали.

Вошёл тогда этот незнакомый старичок в армяке, с кнутиком под мышкой, и засмеялся:

«Что это у вас, добрые люди, в чашке плавает?»

А мы ему в сердцах:

«Попробуй, добрый старче, так узнаешь!»

Поел он с нами под Новый год щей без соли и говорит:

«Ну, загадывайте, заказывайте, что попросить из Москвы. С Кремлём буду разговаривать!»

Переглянулись мы — старичку незнакомому не поверили и решили испытать его. Вот и говорим:

«Если ты правда такой человек могучий, из Москвы, достань нам соль!»

Усмехнулся старичок и ушёл.

А на Новый год мороз ударил, и ударили на фашистские заставы партизаны. Треск и гул пошёл в лесу. Заняли наши орлы немецкие базы, городки и сёла, укреплённые ими на выходах из лесов, как крепости. И вот поехали по всем деревушкам санные подводы с солью. В каждую хату завозили соль. Везли, раздавали и так разговаривали:

«Берите, селяне, от нашего деда обещанное. Прислали ему из Москвы стали, а мы с этой сталью всем соли достали!»

И был праздник. Большой был у нас праздник, когда в каждой хате, у каждого появилась соль... Помнишь ли, внучек?

— Помню, — ответил Тимка.

— Как же, хлопчик, не помнить, если через эту соль окрепла твоя кость! Ишь, на лыжах какие выкрутасы выделяешь. Я всё из окна вижу, — говорит дед и лукаво на внука посматривает.

Не знал ещё мальчик, к чему речь шла.

Дед развернул портрет и, приблизив его к глазам, сказал:

— Дивись, хлопчик, это тот самый человек, что дал нам соль!

Тимка присмотрелся и узнал их мудрого гостя. Он был теперь в генеральской фуражке, и две звезды Героя Советского Союза сверкали на его груди.

— Знаменитый партизан Ковпак, верный друг народа, — вот кто наш кандидат в депутаты! Сегодня же наши лесовики должны узнать про такую радость, Тима, — ласково сказал дед. — Надо доставить его портрет и эти листовки в Сещу. Собирайся, внучек, пока светло.

Тимка ничего не ответил. Всё ясно без слов: дед-партизан вышел из строя, станет на его место внук. Мальчик взял ломоть чёрного хлеба, круто посолил и сунул в карман. Взял охотничий нож и спички. Приладил за спину мешок с листовками и портретами и встал на дедовские лыжи. Старый Егор, прикованный к печке болезнью, смотрел на него в окно, оттаивая изморозь на стекле своим дыханием.

Короткий зимний день быстро подходил к концу. Солнце, словно напуганное холодом, спешило закатиться за верхушки деревьев. Тимка, пригнувшись, широко разгонял лыжи, стремясь миновать Гремучий яр до заката. Позади остались деревня, школа и гумна, где дремали в соломе зайцы. Он вошёл в лес. Снег здесь был пышный, снежинки лежали поверх сугробов неполоманные, крупные и сверкали синими огоньками. Особенно хороши были ёлки, засыпанные снегом и посеребрённые сверху морозными блёстками.

Всё дальше и дальше углублялся он в лес. Путь шёл в гору. Идти было трудно.

Но Тимка взялся выполнить долг, исполнить данное дедом слово. Он поправлял мешок с драгоценной ношей и всё прибавлял шаг. Пар от его дыхания инеем оседал на воротнике и на шапке. Неожиданно в лесу потемнело, и синицы, сопровождавшие маленького лыжника своим звонким теньканьем, умолкли и отстали.

И не успело скрыться солнце, словно с цепи сорвался, забушевал верховой ветер. Он покачул высокие ели, осыпал с них пушистый снег и закружил его над лесом. И когда вошла луна, её сразу закрыло белой дымкой. Затем метель забушевала сильнее, шумней. И когда мальчик вглядывался вверх, ему казалось, что луна несётся за ним, подхваченная снежным вихрем.

Ему становилось страшно, и ледяной холодок подкрадывался к самому сердцу. А быстрые, крепкие ноги несли его всё вперёд и вперёд, умело нажимая на скользкие, легко бегущие лыжи.

Несколько раз мальчику казалось, что в лесу сами собой зажигаются свечи, возникают и гаснут жёлтые огоньки под нижними, раскидистыми ветвями ёлок. А когда он приближался к ним, смело разгоняя лыжи, они гасли и словно убегали, и бесшумно мелькали сероватые, призрачные тени.

Две жёлтенькие свечи затеплились так близко, что Тимке захотелось схватить их рукавицей. Он поднажал на лыжи, согнул колени и ринулся так быстро, что молодой любопытный волчонок, засветивший на лыжника свои глаза, едва успел отскочить в сторону и испуганно твякнул, как щенок.

Они целой стаей давно вились вокруг маленького лыжника. Старая волчица следила издали, наблюдая эту игру так же, как она наблюдала осенние охоты своих волчат за отбившимися жеребятами. Она терпеливо ждала, когда волчата вдоволь наиграются, а

жеребёночек устанет, а потом подавала сигнал, и все молодые хищники бросались на жертву...

Вот и сейчас старая мать многих волков зорким глазом следила за своей сворой. Её погодки и приставшие к стае двухлетки и пара матёрых волков — все участвовали в охоте на маленького человека. Они пытались загнать его так же, как глупого жеребёнка: постепенно прижимали к яру, к обрыву, чтобы никуда не ушёл.

Лай неосторожного волчонка послужил сигналом. Старая волчица отозвалась в полный голос. Её хриплый вой раздался на весь лес. Многоголосым эхом отозвались все волчата. А на краях басисто подвыли матёрые волки.

Слушая этот жуткий хор, преследуемый понял, что он в полукольце. Бежать можно только прямо. Там путь свободен. Но там глубокий яр, отвесный обрыв, а под ним бьётся и шумит речка Омутянка.

Словно почуяв, что беглецу не уйти, волчата заголосили бойко и радостно. Но рано торжествовали звери. Перед ними был человек. Хотя и маленький, но человек, одарённый светлым разумом и храбрый по-человечески.

Он оглянулся, прислушался и всё понял. Но сердце его не замерло от робости, как у загнанного жеребёнка или ягнёнка. Гневом наполнилось сердце человека. Как вы осмелились стать на моём пути, дикие звери? Нет, вы меня не возьмёте! И лыжник направил свой бег прямо на Гремучий яр. Местность здесь шла под уклон. Лыжник почти летел, мелькая между заснеженными деревьями, и волчатам показалось, что они упускают добычу. Наиболее резвые взвизгнули, подскочили, ринулись изо всех сил. Вот они уже близко. Вот бросились наперехват матёрые волки, чтобы ударом груди сшибить жертву с ног, под лапы молодых, под их жадные, острые зубы. Но не дал им человек полакомиться собой. В минуты страшной опасности сердца настоящих людей мужают.

Ни на секунду не задержался Тимка, когда лыжи его выскочили на край громадного обрыва. Ни страха, ни сомнения не ощутил он в сердце, когда взглянул в пропасть, куда уходила стремительная снежная покато́сть. Все чувства робости и боязни были вытеснены из его сердца одним страстным желанием — перелететь пропасть!

И он сильным движением бросился вниз.

Вначале разбег был медленным, потом лыжи заскользили быстрее. Затем они подняли снежную пыль. Навстречу устремился ветер. Вначале пронзительный, режущий лицо холодными ножами, рвущий полушубок с плеч. Затем ветер стал плотней, стал подпирать грудь, как вода, бегущая навстречу.

И Тимка ощутил, как летают птицы. Он взмахнул руками, как крыльями, и они повисли в воздухе. Потом наклонился вперёд, и грудь его со свистом стала рассека́ть воздух. Он взглянул вниз и увидел под собой тёмную воду лесной реки.

Он хотел крикнуть от радости и тут же погрузился с головой в пышный снег, наметённый на низкий берег огромным валом.

Никто не видел этого чуда, кроме волков.

Они разглядели, как у самого края обрыва маленький лыжник вдруг оторвался от снега и взлетел над седым от пара гремучим ручьём. Он перелетел поток и исчез в клубах пышного снега.

Несколько молодых волков по глупости бросились за ним... Но не вышло у них по-человечески. Как камни, попада́ли они в воду. Раздался рёв старой волчицы. Щёлкнули зубами матёрые волки и попятились от страшной пропасти, поглотившей слишком ретивых.

Человек был уже на том берегу, далёкий и недостижимый. Волки уже не видели его, а только чуяли, как удаляется его тёплый, вкусный запах. И завывали они с горя и засветили над яром свои глаза...

Когда Тимка, раскрасневшийся с мороза, с инеем

Тимка сильным движением бросился вниз.

на ресницах, явился в сельсовет и сдал листовки с портретом кандидата в депутаты, он и словом не обмолвился о своём подвиге.

Он не любил хвалиться.

БЫЛ ЕРОШКА...

— Ерошка, подай черпак! Ерошка, прими весло! Эй, слетай живей, ключ от лодки забыли!

Туда Ерошка, сюда Ерошка, повсюду Ерошка — катись горошком. В каждой рыбацкой бригаде есть мальчишки на побегушках. Бойкий народ! Они и сети починять, и под невод нырять, если зацеп. Они и костры разводить, и уху варить. Да ещё и рыбаков смешить, — скучного мальчишку таскать за собой на рыбалку неинтересно.

Ерошка смешной, хотя ничего взъерошенного в нём нет. На вид он чистенький, рубашка заправлена под ремешок длинных брюк, стрижен по моде — чубиком, на руке настоящие часы, только неисправные, не ходят.

Рыбаков смешит его забавный, ершистый характер.

Посмотрите, как он взъерошился и насккивает на самого могучего человека в бригаде — рыбака Николая. Ох, уж этот Николай! Приладив к корме подвесной мотор, как небрежно он заливает в бачок бензин... Забыл заправить раньше.

— Дядя Николай, да кто же так делает? Бензин цедить надо! Я же вам шёлковый лоскут дал. Где он?

Отмахнувшись ладонью шириной с весло, Николай долил бак, крутанул раз-другой — мотор не завёлся.

— Ну вот, я же говорил... Всегда так... Медведь в лесу со смеху помрёт, если увидит, как вы с мотором обращаетесь! Дядя Николай, это же техника!

Рыбаки, набиравшие невод в большую завозную ладью, рассмеялись. У Николая установились сердитые отношения с мотором. Он сгоряча обзывал «капризную технику» обидными именами, стучал кулаком по цилиндру, грозился утопить, и в конце концов упрямый мотор заводился. Его приобрели совсем недавно. Николай съездил в город и привёз его на том самом грузовике, на котором приехали Ерошка с матерью. В дороге все смеялись, когда на ухабах Николай прижимал к груди мотор, как ребёнка.

Мать поступила в новую сельскую больницу, построенную красиво на берегу моря, а Ерошка пристал к рыбакам. Ей из окна дежурки видны смоляные лодки, невод на сушилах, суetyщиеся перед отплытием люди. И даже издали мать всегда угадает среди них своего сына.

Вот она вышла на высокий берег в крахмальном белом халате, который делает её воздушной, круглой, похожей на облако. Сложила ладони рупором:

— По радио сказали — идёт шторм!

— Знаем! — басовито отвечает ей Ерошка в настоящий рупор. — Пока придёт, сбегает и вернёмся!

«Не рыбацкая, — усмехается он про себя, — не знает, что рыба перед непогодой выходит разгуляться на мелкие места. Вот тут-то и надо прихватить стаю-

Николай долил бак, крутанул раз-другой — мотор не завёлся.

другую леща... На моторе это не на вёслах, как прежде... Раз-два, и обернулись».

— Давай, давай, пошевеливайся! — негромко сказал бригадир Артёмов.

И все стали действовать живей.

Это был старик с белой бородой и чёрными бровями. Ерошка побаивался его грозного взгляда и непонятной власти.

Артёмов никогда не ругался, редко повышал голос. Но стоило ему крикнуть кому-нибудь во время работы с неводом: «Эй, прохиндей, не в полную силу тянешь!» — и человек бледнел. Это было самое худшее на свете, что мог услышать рыбак от бригадира.

В артели каждый должен работать на совесть: без напряжения всех сил трёхсотметровый невод не вытянешь. Ловчишь, тянешь не в полную силу — выгонят из артели с позором, как человека, недостойного товарищества.

Метнув взглядом на рыбаков, Артёмов осторожно оглядел небо и скомандовал:

— Пошли веселей!

Он закинул в завозную ладью мотню невода, пяточный кол и шагнул сам. Рыбаки, похватав сумки с харчами, резво, как мальчишки, поскакали вслед за ним. Николай посильней крутанул заводную бечёвку, мотор зафыркал, как норовистый конь, запенил воду — и поплыли-поехали. Следом резво побежали два челнока и прорезь — дощатая лодчонка с крышкой с прорезами, в которой возят рыбу.

Забравшись на невод, Ерошка блаженствовал. Утопив босые ноги в мягкие, нагретые солнцем сети, он всё глядел назад — есть примета: «кто оглянется — тот вернётся».

Мать ещё долго виднелась на берегу, белея и тая, как облако, пока не слилась с деревьями, домами, с землёй.

Хорошая она у него, да «жизнь ещё мало понимает», — говорит бабушка.

Вот недавно пристала, как к маленькому:

«Чего это ты, сынок, всё с рыбаками да с рыбаками, почитал бы лучше книжку, с нами побыл бы».

Бабушка тут же вступилась:

«Мальчишкам мужская компания нужней всего, а безотцовщине в особенности!»

Мать смутилась, почуяв в этих словах всегдашний скрытый упрёк.

«Езди, езди с рыбаками, дружи, дружи с большими. Хороший человек не хуже книжки. В каждом своя сказка», — говорила старая и гладила внука шершавой рукой.

...Навстречу мчится ветер, живой, как в сказке. Треплет волосы. Обдаёт брызгами. От него пахнет, как от рыбака, — смолой, рыбой, водорослями.

Ерошка, повернувшись к товариществу, разглядывает рыбаков, дремлющих под шум мотора, и воображает, будто это всё книжки. И потоньше и потолще. И в разных обложках.

Вот под названием «Николай». Книга толстая, недоступная, всем видом своим говорит: «отстань», «не трогай», «я не для маленьких».

Зато под названием «Володька» — книжка открытая, полная знакомых песен. Весёлый парень — вернётся с рыбалки, гармонь на плечо и пошёл. Прямо в бахилах шатается из конца в конец по селу, гудит всю ночь. Когда ест, когда спит? Если его надо срочно найти, беги туда, где гармошка пилит, девочки смеются.

Есть и книжка про политику: «Вадим». Этот всё знает. На всё ответ даёт, как газета. И какая это штука водородная бомба, и как атомом теперь рака достают. И куда смотрит Англия, когда её ловко обходит Америка. Как трудно живётся неграм, и до чего здорово-хорошо идёт Китай по верному пути. На обложке две чёрные чёрточки — это усы.

Злая, непонятная книга «Степан», как роман — только для взрослых. Страдает, а неизвестно зачем, губы кривит, а не смешно...

А «дед Артёмов» — книжка с картинками. Обложкой не взяла, заплатанная, до дыр зачитанная, в замусоленном ватнике. А раскрой — забудешь весь свет.

Тут и про старину, и про новину, и про ребят, и про зверят. Про то, как прежде были лес да поле, а теперь синее море. Как скрылись под водой леса и пошли дивные чудеса. В бывших печках толстые сомихи икру мечут, а усаые сомы на загнетках стоят и хвостами ершей отпугивают, чтобы икру не сожрали. Глазастые окуни от морского волнения в трубы прячутся, а скользкие налимы в беличьих дуплах живут. Чёрные дубы в подводном лесу без шума стоят, а вокруг веток плотвички вьются, как птички, только что не поют. В дремучем бору, где старик, бывало, медведей стрелял, шуки бродят — полосатые, как тигры...

Вот какой интересный дед — сам на дне моря жил! А как поставили плотину у Рыбинска да стали деревни на новые места перевозить, сел в свою избу и уехал. Да, вот так и поехал. Вместе с соседями. Явились к ним в деревню тракторы, подвели под дома санные полозья, стронули — и пошёл! Избы едут — улицы стоят. Собаки бегут — жители у окошек сидят, на дорогу поглядывают и из самоваров чай пьют... Вот какие картинки есть в этой книжке!

Рассмеялся Ерошка. Рыбаки удивлённо на него поглядели. Чего тут смешного, когда впереди, на самой лучшей лещевой тоне чужие лодки плавают!

Замечтался и чуть не прозевал... Теперь и Ерошка увидел. Что за лодки в открытом море? Откуда они сплылись? Что за люди явились на чужие тони? Всё море поделено между бригадами на участки, как колхозные поля. Неужто браконьеры осмелились средь бела дня? Что ж теперь будет? Загорелись глаза у Ерошки: «Эх, морское сражение бы...»

Сразу перебежал на нос ладьи. Но, увы, сражаться не с кем. В разномастных лодках сидели какие-то старушки, женщины, дети. Никто не закидывал сетей, никто не вытягивал невода. Все нехотя ели. Иные

плакали и причитали жалобными голосами. И хотя ярко светило солнце, в руках у старух теплились восковые свечи, отражаясь в воде жёлтыми цветками. Бумажки от конфет и яичные скорлупки плавали вокруг игрушечными корабликами.

Застыл на носу изумлённый Ерошка.

Николай приглушил мотор, словно боясь спугнуть чудо на море.

Артёмов снял шапку и махнул рукой, чтоб объезжал стороной.

— Пути не будет, — потихоньку сплюнул в воду Степан.

Хотелось спросить: что, почему? Но рыбаки примолкли смущённо, и Ерошка не решился лезть с расспросами — не маленький. Потерпи, всё узнается.

И вскоре новое чудо морское отвлекло его. Показался плавучий остров. Это громадный кусок торфа со дна моря всплыл, как пробка. Лес, растущий на нём, вместе с корнями выдрал и поднял. Деревья-утопленники страшно тянут к небу голые синие сучья, ракушки пристали к ним, водоросли. Словно белые гребёнки, торчат в ветвях скелеты рыб. Жуткое дело. Гоняет его по морю туда-сюда, постоянного адреса нету. Он может привидеться и там и здесь...

Вот побывать бы на нём! Нет, проехали мимо.

Куда это правит Николай? Ага, на «лесные поляны».

Сейчас будут по лесным просекам невод тянуть, а на поляны вытягивать. Кому сказать — смешно покажется, а ведь и в самом деле так.

Прищурившись, Ерошка разглядывает водную гладь, стараясь угадать знаменитую «зайчиную банку». Банка — это по-морскому подводный холм. В тихую погоду здесь, на мели, столько малька греется, что от мелкой рыбёшки вода серебристо рябит. А в бурную — издали видно, как волны взбивают пену. И вода здесь черна.

«Смотри, Ерошка, вон русалки водяному голову

намыливают — купают старика! А ты всё не веришь!» — всегда смеются рыбаки при виде шапки пены на «зайчиной банке».

Хорошее местечко. Водоросли мягкие, вода тёплая и всего по колена! Бегай сколько хочется, как по деревенской луже, это посреди самого синего моря!

Стоп! Здесь и заглушили мотор. Тихо подплыли. С высоты ладьи было видно, как малёк то прихлынет, то отхлынет, будто кто из глубины засекает подводный бугор овсом.

Пока завозили невод, Ерошка носился кругами по мелководу, как выпущенный на волю телёнок. Щурята от его ног стреляли в разные стороны, оставляя дымные струйки, словно реактивные самолёты.

Вдруг вода заколыхалась, и поднявшаяся волна медленно пошла обратно.

— Эй, берегись, проглотит!

Ерошка, поджимая ноги, бросился прочь и вскочил на прорезь. Это громадная щука сплыла на глубину. Заспалась на мели, а он её спугнул.

И всё-таки ввалилась зубастая в невод. И не могла уйти. Несколько раз выплывет из мотни, высунет рыло, посмотрит на рыбаков злыми глазами и обратно в мотню.

Но, кроме неё, ничего хорошего в неводе не оказалось.

Так, мелочь да ерши облепили всю сеть, как репы. Экие ведь злюки, не растопырь колючки, так проскочили бы сквозь крупную ячею. Нет, топорщатся, злятся и застревают.

— Давай, обирай, Ерошка, бабушке на уху!

Рыбаки в насмешку уверяют, будто бабушка обожает ершей, а она каждый раз просит:

«Не носи ты домой этих колючих, принеси настоящей рыбки».

Не понимает, что рыбак он ещё не настоящий, в доле не участвует и берёт только то, что всё равно выбро-

сят. Вот и обирает себе в кошёлку ершей, укалываясь о вредные шипы.

— Да, а рыбы-то нету, — процедил сквозь зубы Степан, засовывая громадную щуку в прорезь. Он всегда любил хватать самую крупную рыбу.

Закинули ещё раз — и снова, кроме нескольких большущих щук да сомов, ничего. Ведь настоящая рыба — это лещ, когда он попадает стаей.

Пока тянули третий раз, Ерошка с Артёмовым заправили уху-двойницу. Вначале отварили ершей и выбросили их, а потом в этот навар пустили толстую щуку.

Как же на воде костёр развели? Очень просто — между двух челноков положили лист толстого железа, на него нагребли со дна песку, а сверху разожгли огонь из привезённых с собой берёзовых дров.

Так и варилась рыбацкая уха посреди моря, выпуская вкусный дух. Лучку в неё бросили, укропу и для вкуса лаврового листа и перца. Всё это носил Артёмов в кисете вместо табака. Старик всегда сам варил уху, а Ерошка ему помогал, приучался.

До чего ж это любо — есть уху из артельного котла, сидя на лодке, свесив ноги в море. У каждого с собой деревянная ложка, хлеба кусок. Рыба выложена на весло, бери, как с блюда, и ешь, а кости в воду бросай.

Ерошка блаженствовал: в ухе у него наравне со всеми доля, он же её варил. Он бы и невод тянуть помог, да сила не берёт. Когда пытается — рыбаки только смеются. То поднимут на крыле, как ерша, то стряхнут в мотню в кучу плещущейся рыбы.

Ну, и он над ними подшучивает.

Артёмову в кошёлку, куда он для своей старухи обирает небольших налимчиков и сомят, до которых она охотница, Ерошка уже подложил лягушонка. А Степану в сапоги-бахилы, которые он снимает в тёплую погоду, чтобы побережь, засунул колючих ершей... Вот сунет босую ногу... И смех и грех!

Мальчишке уж так положено — проказничать да всех веселить и притом не попадаться. Поймают — уши надерут.

Наевшись ухи, рыбаки закурили и призадумались.

— И где этот лещ гуляет? — прищурился на морской простор Артёмов.

— Известно где — там, откуда мы уехали, на огородных тонях... Спросите вот его, отчего он оттуда сюда поехал, — кивнул Степан на Николая, пустив в его сторону струю дыма.

— Подшумели там, — нехотя ответил Николай.

— Подшумели? Разуй заспанные глаза, тогда и увидишь, где шумели поминки, где гулял лещ. Лодки над старым кладбищем, а лещ у колхозных скотных дворов держится, где навозные кучи остались. Соображение надо иметь!

— Соображение имелось, — ответил Степану Артёмов, пошевелив бровями. — Люди приплыли на старое кладбище, морем залитое, по старому обычаю, помянуть родню, а мы под них невод тянуть? Неловко.

— Вот ещё «не-лов-ко»! — передразнил Степан. — Нам, где улов, там и ловко, а всё прочее — предрассудок.

— Сам ты предрассудок! — крикнул вдруг Володька. — У меня здесь отец похоронен, первый председатель колхоза. Я его могилу бахилами отаптывать не дам!

— Ишь ты, могилу отца бережёшь, а добрую славу его куда девал? Песенки-припевочки, гулянки да девочки, что заробыл, то и пропил! Пустельга! Гнать тебя из артели — вот что! Может, на стройку куда поедешь — образуюсь.

— Всех гнать, как же тогда будет с планом улова? — вступился Вадим.

— Смотря какой план. Иные планируют в рыбацкой артели от комсомольской мобилизации на освоение целины спрятаться. Тихо жить. Рыбку ловить. Для политики простакам-рыбакам газетки пересказывать.

— Это что, на меня намёк?! — побелел Вадим. — Постой, я тебя выведу на чистую воду, как ты по ночам браконьеришь, а рыбу, под нашу марку, на базар. В тюрьме побывал, ещё хочется...

— Эй, кто старое помянет, тому знаешь что? — Николай, укорив Вадима, одновременно удержал руку Степана, схватившуюся за весло.

— Оставь, — оскалился Степан, — таких вот политиков... Гнать их надо. Нас поучают, а сами ловчат!

— Я ловчу?

— Да, ловчишь, с третьего курса строительного техникума зачем в рыбаки пошёл?

— Зачем... зачем, а разве рыба не продукт? Она в государстве тоже нужна. Снабжать рабочий класс, — смутился Вадим.

Николай рассмеялся:

— Тебе бы на Сахалине рыбозаводы строить, осваивать океан, как твои товарищи, а ты в домашнем море, поближе к своим, обретаешься, чего уж там — ловчишь!

— А ты помолчал бы, сахалинский беглец! — обернулся Вадим к Николаю. — Все знают, как Марусю погубил. Завёз её туда и бросил... Первой руки плотник, знаменитый строитель.... И на вот тебе — по дому соскучился... Отпуск взял... И теперь в нетях. Его там в газетах хвалили, а он здесь прохлаждается, рыбу ловит...

— А про Марусю ты это брось! — Николай поднялся во весь рост. — Все знают — погибла она от стихийности... Спасала оборудование в тайфун!

— Она-то спасала, а ты спасался... За пирогами у Дарьки, за бутылкой у Варьки!

— Это же я потом, с горя... Эх, вы!

Николай замотал головой, не находя слов для оправдания.

Ерошка с жадным любопытством рассматривал то одного рыбака, то другого, слушая и переживая ссору, как не совсем понятную, но захватывающую картину в

кино, на которую «дети до шестнадцати лет не допускаются».

Его широко раскрытые, потемневшие глаза заметил Артёмов. Он всё помалкивал, кряхтел. Но дальше не выдержал:

— Эй, лешегоны, хватит вам! Почестили друг дружку, и ладно... Леща вон обратно спугнёте. Гляди-ка, перед непогодой показался всё-таки!

Рыбаки оглянулись, и все различили совсем недалеко от банки стаю лещей. То здесь, то там из-под воды высывались спинные плавники, показывались толстые губы. Выплюнув донную тину, лещи окупывались, звонко шлёпая хвостами.

При виде этого зрелища Степан задрожал.

Без суеты, молчком, рыбаки столкнули ладью, сели на вёсла и, стараясь не подшуметь, стали обмётывать стаю неводом.

Ерошка прилёг на носу лодки и шептал:

— Скорей, скорей!

В лицо ему вдруг подуло резким холодком, и вода чуть зарыбила. Это дохнул «сиверко» — северный ветер, предвещающий шторм. Чуткие лещи могли в одну минуту бросить купанье, уйти в подводные леса, залечь в оврагах, спрятаться там, где никаким способом не возьмёшь.

Сидя на корме, Артёмов поглядывал то на небо, задымившееся у горизонта, то на косяк лещей. Успели, окинули сетью заигравшихся рыб, и после дружной работы невод пришёл с полной мотнёй «настоящего леща».

Стая мерных, одинаковых, двухкилограммовиков, тесно прижавшихся боками, не билась, не металась. Лещ — он такой: если уж не ушёл, не лёг на дно какой-нибудь ямы, пропустив над собой невод, не спасся за какими-нибудь корягами, а понял, что попался, зря свою сортность не портит, не бьётся. Станет в мотне и ждёт, полный собственного достоинства, пока вычерпают его черпаками. А вынутый из воды и брошенный

в лодку, не норовит соскользнуть, как налим, или выпрыгнуть, как щука, а только лежит да вздыхает, что ему «не повезло».

— Ещё! А ну, давайте ещё! — облизывая запёкшиеся губы, сутился Степан, оглядывая отсеки ладьи, и без того заполненные рыбой. В прорези было уже полно.

— Смотри, ребята, сиверко уже штормит, — указал Артёмов на край горизонта, теперь потемневший.

В серьёзные моменты он всегда называл рыбаков «ребята».

— Успеем... У нас мотор! Только надо чуть глубже бросить, захватим ещё кусок, — настаивал Степан.

— Да куда же, ёмкости нет... — сказал Артёмов, но, полюбовавшись на груды тяжёлых и тёмных, как тусклое серебро, лещей, не устоял: — Однако место найдём!

Закинули ещё раз и тянули невод, отворачивая лица от резкого, режущего ветра, сшибавшего с волн брызги.

Пока выбрали ещё одну стаю леща, толстого, кровавого, видно вышедшего с больших глубин, шторм уже забушевал вовсю. Море покрылось белыми гребнями, вода вокруг банки закипела.

Николай, не позаботившийся раньше о заправке горючим, никак не мог попасть в бачок из канистры. Корму лодки подбрасывало, ветер яростно сдувал струю бензина, украшая воду фиолетовыми блёстками.

— А где воронка, которую я достал? Опять забыл дома! Разве так наливают?! — кричал на него Ерошка, задыхаясь от злости. В своей бессильной ярости он был смешон.

Но рыбакам стало не до смеха, когда лодку подхватило волнами, а мотор не завёлся.

Николай дёргал бечёвку, стучал кулаком по цилиндру, грозился утопить, но мотор был мёртв. Винт его не работал, не двигал вперёд, и на беспомощную ладью набросились хлёсткие волны.

Словно в каком-то озорстве, они наплёскивали в лодку пенную воду пригоршнями.

Одна «бортоломка» так ударила, что вся ладья дрогнула. А гребень волны, сломившись, перекатился через борта и вынес, словно на руках, весь верхний слой лещей, сразу оживших.

Рыбаки пригнулись перед второй, тяжело стукнувшей их по спинам.

— На вёсла! — крикнул Артёмов.

Усевшись на носу с веслом, он стал поворачивать ладью кормой вперёд. Это ему удалось. Волны перестали бить в борта. Но корма, ставшая носом, поднялась вместе с мотором, и Николай раскачивался, как на качелях.

— Давай заводи, включай мотор!

Николай только махнул рукой:

— Засорился, чёрт!

Нужно было отвинтить гайку, вынуть жиклёр, продуть его и снова вставить. Но мокрые толстые пальцы Николая плохо повиновались, он боялся уронить в воду мелкую детальку и всё пытался взять силой, прокручивая цилиндр в надежде, что мотор сам прочихнёт проклятую соринку, попавшую в бак.

— Дядя Николай, давай я! Я ведь знаю, меня лётчик учил, — приставал Ерошка.

Но Николай отталкивал его локтем.

А буря всё нарастала. Ладью несло на юго-запад, как щепку.

— Дядя Николай, пусти, я прочищу жиклёр! — кричал Ерошка.

— А ну, чего там, пушай сделает! — проревел бригадир.

Николай, отерев пот, отстранился.

Ерошка, как обезьянка, обвился вокруг мотора и, зажав в одном кулаке отвинченную гайку, другой рукой вынул сверкнувший медью жиклёр и стал его сосать. У него не было сил продуть, и он отсасывал за-

стрявшую пылинку, корчась и гримасничая, выплёвывая бензин, сдобренный автолом.

Артёмов смотрел на него, не спуская глаз.

— Поддержи, упадёт! — вовремя крикнул он Николаю.

Ерошке удалось вставить и завинтить жиклёр над пенными волнами.

— Давай! — крикнул он.

Николай дёрнул бечеву. Мотор с треском заработал, и Ерошка, вцепившись в руль, направил лодку против волн. Теперь корма снова стала кормой. Волны не догоняли её, оставаясь позади.

— Эй, смотри в оба! — кричал бригадир, перекрывая голосом шум шторма.

Ерошка смотрел в оба. Волны так разыгрались, что обнажали то здесь, то там скрытые водой предметы. Словно морские чудища, выглядывали то спереди, то с боков лодки пни с торчащими сучками, необрушенные печные трубы, неспиленные телеграфные столбы, закрученные проволокой. Вот на такой насадишься с ходу, и всё пропало...

Чего это Володька закрыл вдруг глаза? Ерошка взглянул на его лицо, ставшее белым, потом вперёд — и увидел с левой стороны столбы воды, с грохотом вздымающиеся к небу. Здесь море, волнуясь, обнажило самое дно своё, на котором покоилось кладбище. Ерошка увидел чёрную землю, белые камни могил и ржавые железные кресты. Ударяясь в высоко спиленные столетние вётлы, как об утёсы, волны взмётывались до низких облаков, гонимых штормом.

От этого зрелища рыбаки почему-то пригнулись, а Степан перекрестился тайком, облизнув воспалённые губы.

Мотор вдруг снова сдал, и лодку стали валять с борта на борт суматошные мелкие волны, толпящиеся здесь в беспорядке над бывшими холмами, оврагами и лесами.

Пока Ерошка опять отвинтил гайку, вынул жиклёр,

отсосал его и вставил обратно, в лодку наплескало воды по колена. Одежда на всех намокла. Каждый стал тяжелей вдвое. И хотя рыба почти вся смылась, лодка садилась всё ниже, черпая теперь и бортами. Громадный невод, напивавшийся водой, как гигантская губка, давил её своей тяжестью.

Оба челнока давно оторвались и унеслись куда-то по направлению к дому, словно сбежавшие от хозяев собаки. Только прорезь, набитая щуками, вела себя смиренно, погружённая в воду.

Страшно стало, когда вышли в главный фарватер. Здесь леденящий ветер дул с необыкновенной силой, падая с неба. А волны разгулялись на просторе до трёх-четырёхметровой высоты.

Как в эту кипень пускаться! Но спасение было там. За этой открытой водой смутно угадывался лес тихого залива, на берегу которого стояло село Погост Новый.

— Сымай сапоги! — взревел Артёмов, осмотрев взбаламученное море.

И все торопливо стали разуваться, стягивая не только сапоги, но и портянки. Босиком не так сразу утонешь.

— Черпай воду бахилами!

Рыбаки принялись отчерпывать ладью, работая сапогами, как вёдрами, и, когда она немного подняла борта, Артёмов стал пересекать фарватер.

Ни дымка, ни паруса: все суда, получив предупреждение о шторме, укрылись. Иные на пристанях, другие — в тихих заливах. Помощи ждать не от кого. И пенять не на кого — сами пошли на риск, захотели сбежать на заповедные тони, ухватиться до шторма и взять урожай с синего поля.

Терпели бедствие молча, яростно откачивая воду сапогами. Николай своим телом отогревал Ерошку, дыханием согревал, чтоб не зазябли его драгоценные тонкие пальцы, которыми он так ловко отвинчивал гайки и доставал упрямо засорявшийся жиклёр. При

каждой задержке волны настигали ладью и нахлестывали воды больше, чем её вычерпывали. Все обессилели, а бушующему морю не виделось края. Быстро падали сумерки.

В довершение бед мотор вдруг заглох намертво, никакие прочистки жиклёра не помогали.

— Свечу забросало! — определил Ерошка.

С великим трудом, едва не сорвавшись в воду, он вывинтил свечу и принялся чистить её от копоти, причитая со злостью:

— Разве так можно? А, на глазок? Что вы наделали, дядя Николай, переобогатили смесь! В бензин нужно добавлять масла сколько полагается — одну двенадцатую, а не больше!

Теперь уж никто не смеялся над его бессильным задором.

— Эй, парень, — просяще сказал Артёмов, — ты давай, давай дело делай! Тут и без тебя худо, погляди-ка назад!

Все обернулись. Позади, за белой пеной бушующих волн, словно гоня их перед собой, мчался плавучий остров. Его сдвинуло с места, и он парусил, гонимый бурей с севера на юг. Ветер свистел в голых ветвях деревьев. Дудел в гулкие дупла, как в трубы, словно давая сигналы какого-то бедствия. Это было так страшно, что Ерошка уронил свечу. Она упала в лодку. Пока искали, пока Ерошка вставлял её, замешкались. Вокруг лодки появилась густая торфяная каша. Как щупальцы спрутов, тянулись корни деревьев. Плавучий остров недаром сигнализировал беду — он разрушался.

Заработавший винт с трудом промешивал торфяное месиво, мотор работал натужно, и ладья с трудом преодолевала кашу из сучков и торфа.

— Выбрасывай невод! — крикнул Степан с пеной у рта, озираясь. — Облегчайся!

— Я те самого выброшу! — погрозил Артёмов.

— Да ты что, бригадир, нам жизнь дороже! Вы-

бросим невод — спасёмся... Государство другой даст... а жизнь у нас одна! — Вадим бросился к груди сетей.

— Остынь, парень! — Николай вылил на него воду из сапога.

Артёмов захохотал. И все рыбаки разразились смехом. Ветер хлестал их лица холодными брызгами, драл за волосы, запихивал в рот усы и бороду, а рыбаки хохотали. Все, кроме Ерошки: Он смотрел на них как на сумасшедших. Не выдержал и заплакал. И в это время мотор вдруг смолк — бензин вышел весь.

Страшное веселье враз кончилось. Все молча усталились на остров, который нагонял ладью, грозя шапатающимися деревьями. То здесь, то там, как громадные рыбины, высовывались из пенных волн чёрные деревья, грозя с размаху разбить ладью, протаранить.

— На вёсла! — крикнул Артёмов.

Но никто не пошевелился. Рыбаки обезручили. Они сидели, бессильно опустив мокрые плечи. Подняться, ухватить весло ни у кого не было сил.

— Эй, ребятки!.. Орлы, ай тонуть будем? Вы что, дома ведь ждут! — оглядывал он рыбаков, с трудом правя кормовым веслом по ветру.

И на эти жалостные слова никто не отозвался.

Волны захлёстывали людей и снасти белой пеной, растекавшейся под ногами со змеиным шипением.

Артёмов оглядел всех по очереди и остановился на Ерошке, смотревшем на него снизу вверх.

— Да вы что, совести у вас нет, топить мальчишку? Завезли, а теперь на вот! Его мать, чай-ко, на вас надеется, а вы?.. Степан, Николай, ай заснули?

Услышав обращённый к нему призыв старика, Николай, уронивший голову на невод, вдруг словно проснулся. Он поднял вверх сжатые кулаки и длинно выругался навстречу ветру, вызывая сиверко на бой. Затем, ухватив оба весла, бессильно болтавшиеся за кормой, так погрузил их в воду, что они согнулись.

— Легше! — испугался за вёсла Артёмов.

— А вот легче! Я вот дам легче! — бессмысленно

Волны захлёстывали людей и снасти белой пеной.

бормотал Николай, привставая и откидываясь назад на скамью всем громадным телом.

Вёсла гнулись, но не ломались, бросая ладью вперёд. С каждым рывком она уходила от ударов волн. Гребни обрушивали пену, не достигая кормы. Чёрные комли деревьев таранили воду, не касаясь ладьи.

— Наддай! Наддай! — орал повеселевший Артёмов, вращая всклокоченной бородой.

Рубаха на Николае лопнула; грудь его словно кто раздувал, как кузнечный мех, — он дышал шумно, раскрыв рот и временами отругиваясь, когда попадала пена, сдуваемая ветром с волн.

— Ещё немного, ещё чуток. Хвоей пахнет! Лес шумит, слышь!

При этих словах оплошавшие рыбаки оживились. Один за другим подняли головы, стали слушать шум, вдыхать запах близкого леса. Вадим ухватил одно весло, Степан — другое, и вдвоём заменили Николая, от которого шёл пар.

Володька стал отчерпывать воду сам, без команды.

— Давай, давай, соколики! — радостно кричал Артёмов. — Бей веселей, войдём в залив — и амба!

Он развернул ладью, и она вдруг вошла в тихую воду, под защиту берега, поросшего сосновой гривой. В штормовом тумане его не было видно, но вместо плеска волн теперь слышалось радостное дружное гудение живого, могучего леса.

— Ну что, испугался? — обратился Артёмов к Ерошке. — А ты не бойсь... Народ у нас ничего... Ты это не думай, что все плохие... Оно, конечно, не все в полную силу тянут, как в жизни нужно. Это верно! А коли захотят — богатыри! Вон Николай-то, видал как?

Ерошка не отзывался, он сидел, озябший, с посиневшими губами.

— Эй, Николай, возьми, согрей мальчишку — ишь, ззяб весь.

Николай, отерев пот рукавом, поднялся, схватил Ерошку в охапку и, запахнув ватником, в обнимку по-

валился на невод. Широкая грудь его была мокра и горяча. Ерошка сразу угрелся, как на печке.

— Мать-то теперь глаза проглядела, а? Всё думает: где теперь мой?.. Тебя как зовут-то? — спросил Николай тихо.

— Тoley, — так же тихо ответил мальчишка, — а Ерошка — это по-уличному.

— Вон как, Анатолий... Хорошо, а по батюшке? Мальчик промолчал.

— Что, ай помер у вас отец-то? — ещё тише спросил Николай, и стало слышно, как сердце его забилося громче.

Анатолий не отвечал, потом сказал через силу:

— У моего отца нет могилы!

— Что, в море погиб? Я знаю и в море могилу, которую люди чтут... Приходит корабль боевой, на нём дети, матери, вдовы тех моряков... Бросают венки им в пучину... цветы над тем местом, где сгинула подводная лодка... Вот так.

— Нет, нет! — задрожал мальчишка. — Моя мама не станет... Он живой, только он нас бросил, когда я не родился...

Николай отшатнулся, словно его ударили.

— Вот оно что... Ну, ты прости, парень, не знал я... И оба примолкли на всю дорогу.

...На берегу рыбаков встретила толпа. Все, кто мог, сбежались и толпились у опустевших вешал, с которых утром собрала бригада невод. Здесь были и встревоженные жёны, и дети... Райпотребовская подвода с цинковым ящиком для приёмки улова.

Еще издали разглядев, что все рыбаки хоть и мокры, босы и простоволосы, но целы, встречающие стали шутить:

— Ну, как улов, был да сплыл?

— Чего разулись — босиком по морю бегали?

— Море рыбное — оно зыбное!

— Перед кем это вы, ребята, шапки-то снимали?

— Шторму кланялись!

— Челноки наши домой не прибегали?

— Нет, пробежали дальше.

Посмеиваясь над своими бедами, рыбаки выставили невод на сушила, вынули из прорези шук и сомов и, сдав приёмщику остатки лещей, стали расходиться по домам, унося в сумках каждый по шуке на ужин.

Хотел уйти и Ерошка с сумкой, полной ершей, но Артёмов остановил его.

— Эй, товарищ, — улыбнулся он шутливо, — а чего ж ты долю свою забыл, — и протянул ему здоровенную шуку.

Мальчишка смутился.

— Бери, бери, Ерошка! — раздались голоса.

— Какой он вам Ерошка, — крикнул вдруг Николай, залившись румянцем, — довольно уличной кличкой звать. У него есть имя — Анатолий. Понятно? Был Ерошка, да кончился! С сегодняшнего дня..:

— Бери, бери свою долю, не смущайся, — прогудел Артёмов. — Моторист ты наш! С нынешнего дня Николаю отставка!

Все рассмеялись. Над этим ли, над тем ли, что Анатолий никак не мог приподнять большую рыбу.

Щучища была такая здоровенная, что голова её, высываясь из сумки, упиралась в землю, а хвост подметал пыль. Анатолий устал, отстал и едва дотащился до крайнего дома вместе с Николаем, который нёс мотор. Прислонив его к воротам, он сказал:

— Помочь, что ли? Пойдём провожу, сейчас в сухое переоденусь.

Николая уже встретили хитрые бабы — Варька и Дарья. Жадно ухватив доставшуюся ему рыбу, стали её тут же, на берегу, чистить и потрошить ловкими руками.

Мать встретила мальчишку на полугорье. Она бежала с дежурства, накинув поверх халата тёплую шаль, в которую тут же закутала сына.

— Ты что ж это, совсем от дома отбился? — с на-

рочитой суровостью сказала она, не в силах справиться с улыбкой, которая всегда возникала у неё на лице при виде Николая.

— А вы его отдайте мне навсегда, — сказал рыбак. — По душе мне парень!

— А что ж, — засмеялась мать, — только с придачей...

Она шутливо упёрла руки в бока, встав в нарочную позу, как перед фотографом. А он, опустив на землю мотор, глядел на неё пристально, словно хотел заснять. Анатолию стало смешно.

Не смеялись только Варька и её мать Дарья, у которых Николай жил на квартире. Вернувшись с реки с выпотрошенной щукой, они долго ещё смотрели вслед матери и сыну, вытягивая шеи и шипя, как злые гусыни:

— И чего ты приваживаешь всякую шантрапу, нашёл игрушку — шершавого Ерошку...

— Анатолием его зовут, Толей, понятно? Ещё раз говорю, — сердито сказал Николай.

А с лица его долго не сходила улыбка, словно он открыл и увидел что-то такое хорошее, чего другие не знают.

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказ о рассказчике	3
Однажды ночью	6
База верхолаза	17
Глубоко под землей	22
Проводничок	30
Кряжонок	42
Таинственный остров	51
Подвиг	62
Был Ерошка.	73

Для начальной школы

Богданов Николай Владимирович

КРЯЖОНОК

Ответственный редактор *С. В. Орловская*. Художественный редактор *Г. С. Вебер*.
Технический редактор *С. К. Пушкова*. Корректоры *Л. А. Кречетова* и *А. Б. Стрельник*.
Сдано в набор 8/VIII 1957 г. Подписано в печать 23/IX 1957 г. Формат 60 × 92¹/₁₆ —
8 печ. л. (4,51 уч.-изд. л.). Тираж 400 000 экз. Заказ № 2780. Цена 2 р. 60 к.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сущевский вал. 49.

Larisa_F

